

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 3 (39), 2022

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2022

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 3 (39), 2022

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Malysheva Zhanna Alexandrovna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdukarimovich, Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich, Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philosophy (PhD) in Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna, Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich, Candidate of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna, Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich, Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich, Candidate of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna, Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 3 (39), 2022

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам,
Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович, кандидат филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Таишулатович, кандидат филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

CONTENTS

Literary Studies

- Alexandrova A.A.*
CRITICISM OF HEROIC DRAMA IN H. FIELDING'S BURLESQUE "THE TRAGEDY
OF TRAGEDIES, OR THE LIFE AND DEATH OF TOM THUMB THE GREAT" 6

Russian Literature

- Tochieva Kh.Sh.*
THE CONCEPT OF HUMAN IN DOSTOEVSKY'S WORK..... 12
- Tochieva Kh.Sh., Dalieva E.Kh.*
THE CAUCASUS IN THE AESTHETIC PERCEPTION OF M. BULGAKOV 17

Journalism

- Tsvikunova V.A.*
PLOTING ON BEHALF OF THE CHARACTER IN THE GENRES
OF VIDEO REPORTAGE AND VIDEO INTERVIEWS FOR SOCIAL NETWORKS 24

Linguistics

- Kutyrev V.A.*
HUMAN LANGUAGE: VOICE, WORD, SILENCE 28
- Salimova F.G.*
LATIN LOAN TRANSLATION IN GERMAN PAREMIOLOGY 40
- Teleshova R.I.*
INTERCULTURAL DIALOGUE IN A LITERARY TEXT AND IN TEACHING FRENCH 44

Linguistic Theory

- Shishkina L.P., Kozlova O.D.*
TOURIST DISCOURSE AND TRAVELOGUE DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT 50
- Yakovleva A.M.*
THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL
COMPETENCE IN THE SENIOR CLASSES OF SECONDARY SCHOOL 56

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Александрова А.А.*
КРИТИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ДРАМЫ В БУРЛЕСКЕ Г. ФИЛДИНГА
«ТРАГЕДИЯ ТРАГЕДИЙ, ИЛИ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТОМАСА ТАМА ВЕЛИКОГО»..... 6

Русская литература

- Точиева Х.Ш.*
КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО 12
- Точиева Х.Ш., Далиева Э.Х.*
КАВКАЗ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ М. БУЛГАКОВА 17

Журналистика

- Цивкунова В.А.*
ПОСТРОЕНИЕ СЮЖЕТА ОТ ЛИЦА ГЕРОЯ В ЖАНРАХ ВИДЕОРЕПОРТАЖА
И ВИДЕОИНТЕРВЬЮ ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ..... 24

Языкознание

- Кутырев В.А.*
ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА: ГОЛОС, СЛОВО, МОЛЧАНИЕ 28
- Салимова Ф.Г.*
ЛАТИНСКИЕ КАЛЬКИ В НЕМЕЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ 40
- Телешова Р.И.*
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
И В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ 44

Теория языка

- Шишкина Л.П., Козлова О.Д.*
ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 50
- Яковлева А.М.*
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ 56

УДК 81'42

**КРИТИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ДРАМЫ В БУРЛЕСКЕ
Г. ФИЛДИНГА «ТРАГЕДИЯ ТРАГЕДИЙ, ИЛИ ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ ТОМАСА ТАМА ВЕЛИКОГО»**

А.А. Александрова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(Великий Новгород), Россия

***Аннотация.** В статье анализируется бурлеск Генри Филдинга “The Tragedy of Tragedies or The Life and Death of Tom Thumb the Great” как художественное произведение, имитирующее жанр героической драмы с целью критического переосмысления. Описывается принцип построения и комического эффекта жанра бурлеска, дается жанровая характеристика героической драмы, на основе которой строится комическая бурлескная имитация. Исследуются разноуровневые соответствия и несоответствия бурлеска исходной жанровой модели и делается вывод об авторской интенции в построении имитации как иронической литературной рефлексии.*

***Ключевые слова:** интертекстуальность, диалогизм, имитационный текст, бурлеск, героическая драма, героическая пьеса, сатира, критика.*

Современная гуманитарная мысль, «объявив коммуникацию и диалог фундаментальными философскими категориями, закономерно обратилась к антропоцентричному тексту, «событие жизни» которого, по словам М. Бахтина, всегда совершается на рубеже двух сознаний» [10]. О диалоге как основе коммуникации и средстве познании истины говорил ещё Сократ, а в XX веке идеи М.М. Бахтина о диалогичности романного слова легли в основу развития отечественными и зарубежными учеными категории интертекстуальности в частности и текстовых категорий в целом. Сегодня интертекстуальность закономерно признается одной из фундаментальных текстовых категорий, наряду с когезией, когерентностью, интенциональностью, воспринимаемостью, ситуативностью и информативностью [9]. Как отмечает Г. Блум, «невозможно писать, или учить, или мыслить, или даже читать, не подражая, а то, чему подражаешь, сделано другим, это его писание, или учение, или мысль, или чтение» [1]. Любое высказывание – реакция на уже существующие высказывания, так как оно строится «на основе ассоциативных тезаурусов, приобретенных каждым человеком в процессе своего жизненного опыта» [6].

Постоянный диалог литературных мыслей, взаимопроникновение жанров и сюжетов, критическое переосмотрение ранних произведений и построение на их основе новых – все это составляет суть литературного процесса. Обратимся к англоязычной литературе XVIII века для иллюстрации некоторых данных положений и направлений. Ключевой тенденцией литературной мысли в XVIII веке стало переопределение понятия жанра в рамках существующей жесткой градации жанровой эстетики. Результатом этого органичного процесса стало появление «жанров-контаминаций, соединяющих и перекрещивающих в себе

устойчивые формальные признаки высоких и низких жанров» [2]. Итогом подобной взаимоадаптации высоких жанров (ода, эпопея, трагедия и др.) и низких жанров (комедия, сатира, басня и др.) стало видоизменение традиционной классицистической жанровой иерархии, внутри которой жанры «перестраиваются, обретают большую емкость и расширяют поле охвата явлений действительности» [2].

Ярким примером подобного жанра-контаминации служит необычайно распространённый в XVIII веке комический низкий жанр бурлеска. Бурлеск (от итальянского «burla» – шутка) возник в эпоху Возрождения и впоследствии распространился в Европе, при этом в XVIII веке растущая популярность сделала бурлеск доминирующим комическим текстотипом, в силу чего его жанровые границы настолько размылись, что «бурлеском начали называть все виды комического письма» [12].

С лингвистической точки зрения бурлеск можно охарактеризовать как комический имитационный текст, в котором торжественный предмет характеризуется низким стилем, либо возвышенный стиль применяется для описания тривиального предмета. Так, в самой жанровой характеристике бурлеска заложено соединение эстетики низких и высоких жанров, яркий контраст между ними, на основе чего и строится комический эффект. Распространённость бурлеска как жанра и техники комического письма в XVIII веке логически обусловлена жестким жанровым противопоставлением противоборствующих категорий эстетики того времени. Бурлеск, с одной стороны, строится в рамках классицистической жанровой иерархии, а с другой – уводит читателя от жестких жанровых рамок той эпохи, олицетворяя своеобразную комическую игру на основе противоборствующих философских оппозиций «высокое-низкое», «абстрактное-конкретное», «духовное-физическое».

В отличие от пародии, где за основу имитации берется конкретное произведение или стиль автора, в бурлеске имитируется определенная текстотипологическая модель или жанр. В данном анализе остановимся на часто имитируемом в бурлескных сочинениях жанре героической драмы (пьесы). Жанр героической драмы (heroic drama) в англоязычной литературной традиции связывают прежде всего с именем поэта и драматурга Джона Драйдена (1631-1700), который по праву, в языковом и литературном плане и с точки зрения разработки техник письма, называется одним из ярчайших англоязычных авторов XVII века. Созданная в эпоху возрождения литературная система жанров, перейдя в XVII век, в значительной мере определяла авторское сознание Драйдена и характер его творчества [4].

Критические размышления Драйдена привели к созданию им теории совершенно нового вида драмы, изложенном в «Эссе о героических пьесах» (1672 г.), что составляло предисловие к написанному им «Завоеванию Гранады». По мнению Драйдена героическая пьеса должна «иметь единое цельное действие, заключающее в себе великое событие» [5], а действие её должно сопровождаться «барабанным боем, звуками трубы и представлением сражений» [5]. Целью произведения становится намерение автора воспеть идеального героя и пробудить у читателя и далее у публики трепет и восхищение происходящими событиями.

Таким образом, героическая драма – высокий жанр, строящийся по четко изложенным Дж. Драйденом канонам. Учитывая предельную четкость организации, нарочитую клишированность и стереотипность языка и сюжетов, героическая драма просто не могла не лечь в основу комических имитационных текстов того времени. Ярким примером этого является высокий драматический бурлеск “The Tragedy of Tragedies or The Life and Death of Tom Thumb the Great”, написанный Генри Филдингом (1707-1754) – по праву называемым критиками главенствующим драматургом XVIII века, работавшим с бурлеском [7]. Подсчитано, что в рассматриваемом произведении встречаются явные и скрытые аллюзии и реминисценции на 42 героические драмы современников Филдинга [14], из чего можно сделать вывод о том, что автор не стремился спародировать какое-либо конкретное произведение или стиль автора, а хотел отразить общий дух героической драмы того времени и имитировать этот жанр во вторичном тексте во всей целостности характерных для

него разноуровневых средств.

С точки зрения лексики важно отметить такие специфичные черты бурлеска как: 1) превалирование возвышенной лексики, соответственно тому, как в традиционной героической драме все предметы изображаются в преувеличенном свете [14]; 2) применение устаревших языковых форм для имитации поэтически высокого тона героической драмы – комизм в тексте бурлеска формируется несоответствием высокого стиля изображения и описываемой повседневной ситуацией; 3) использование бесчисленных междометий, сообщающих обрисовываемой ситуации чрезмерный трагизм и тем самым создающих смехотворный эффект.

В аспекте синтаксиса следует отметить обилие повторов и монотипного построения синтаксических конструкций, а также риторических вопросов и восклицаний, которые в свою очередь сообщают тексту бурлеска большую выразительность и патетический тон.

Сюжет и система персонажей. По определению Д. Драйдена, «героическая трагедия должна имитировать эпическую поэму и её главными темами должны быть любовь и доблесть» [13]. При этом важно, чтобы любовная тема разворачивалась на фоне боевых действий [11], и вдобавок у протагониста – героя-война – обязательно наличие внешнего военного конфликта и внутреннего конфликта между любовью и чувством долга [3]. Антагонисты героической драмы: злодейка, влюбленная в протагониста, и злодей, испытывающий чувства к его возлюбленной, а необходимым компонентом сюжета предстает заговор антагонистов против протагониста для продвижения своих меркантильных интересов [3].

В рассматриваемом бурлеске имитируются такие элементы композиционной структуры героической драмы, как стандартный сюжет и система персонажей. В *экспозиции* традиционной героической драмы главным героем предстает храбрый воин, в одиночку спасающий империю. Так, в начале рассматриваемого бурлеска крохотный Мальчик-с-пальчик спасает королевство от злого великана, за что удостоивается триумфального шествия и получает от короля Артура обещание отдать ему в жены свою дочь – принцессу Хункамунку. *Завязка* героической драмы по обыкновению строится на любовной интриге и в «Трагедии трагедий» также в самом начале оказывает ясным, что все герои тайно или явно влюблены друг в друга, что вызывает сцены ревности и склоняет героев к решительным поступкам. *Развитие действия* как правило предполагает заговор антагонистов против протагониста для продвижения своих корыстных интересов. В исследуемом тексте рисуется любовный многоугольник, ситуация с самого начала слишком запутанна и смехотворна, чтобы иметь далее по тексту какое-либо здоровое логическое развитие. Королева – жена короля Артура – тайно влюблена в Мальчика-с-пальчика, и не желая допустить его свадьбы с собственной дочерью, вступает в сговор с ещё одним антагонистом – лордом Гризлом. В Мальчика-с-пальчика также влюблена великанша Глумдалка, в которую тайно влюблен сам король Артур. Порочный круг, созданный любовными переплетениями во дворце, разрушает *кульминация* бурлеска – катастрофическая и одновременно смехотворная ситуация: Мальчик-с-пальчик после нового победного подвига оказывается проглоченным коровой. *Развязка* действия ещё более абсурдна – королева получает известие о смерти Мальчика-с-Пальчика от своего слуги и убивает его. Узнав об этом, возлюбленная слуги убивает королеву, далее оставшиеся персонажи по очереди убивают друг друга, а король – единственный, кто остается жив после вереницы убийств, накладывает на себя руки. Так, фатальные противоречия доводятся в бурлеске до абсурда и превращаются в фарс.

Таким образом, в «Трагедии трагедий» читатель видит хитросплетение элементов исходного жанра героической драмы и нововведенных разноуровневых элементов, что создает необходимый для бурлеска комический контраст между стилем изложения и предметом речи. Остановимся подробнее на некоторых ключевых приемах создания этого контраста. С точки зрения лексики можно выделить замену прямых наименований персонажей наименованиями с модифицированной оценочной семантикой, к примеру, по

отношению к протагонисту крохотному Мальчику-с-Пальчику повсеместно в произведении употребляются возвышенные эпитеты *mighty, great, giant-killing, victorious, Great Tom Thumb, Giant-killing Boy*. При этом его подвиги, личные качества и добродетели гиперболизируются и описываются с помощью высокого стиля.

Анализ соответствий и несоответствий бурлеска исходной жанровой модели приводит к выводу о неоспоримом наличии яркого критического начала бурлеска. Г. Филдинг творчески переосмысливает исходный жанр в направлении понижения тематического наполнения произведения в рамках фундаментальных философских оппозиций «возвышенное-обыденное» и «высокое-низкое». Комизм бурлеска строится на предельной гипертрофированности трагизма и героизма в описании обыденных смыслов и нарушением стилистического узуса в рамках лексико-синтаксических единиц (часто построенных на приеме оксюморона).

Возникает вопрос о цели создания подобного произведения и роли образа автора в нем. Исходя из положения о сатире, как форме критики, можно заключить, что бурлеск, как и любое сатирическое произведение, содержит в себе критическое начало. При этом у Филдинга, соразмерно эпохе, в которой он творил, критический взгляд направлен на современные ему литературные тенденции в создании драматических произведений. Прежде всего через призму комического высвечивается осуждение излишней клишированности и стереотипности, неуклонном следовании жестким правилам построения героических пьес, изложенным Драйденом. Вдобавок, объектом комической имитации становится помпезность и вычурность языка героической драмы, которая в бурлеске доводится до абсурда, контрастируя с его сниженным тематическим наполнением. Таким образом, главная критическая черта рассматриваемого бурлеска – «в саморазоблачении «критического» сознания, выступающего как безличный голос общих мест современной трагедии» [8]. «Если любая новейшая трагедия есть лишь воплощение некоторого набора штампов, то подлинное авторство любого из них уже не так и важно: нагромождение параллельных цитат обнажает саму бессмысленность поиска оригинала» [8]. Таким образом понятия «источник», «автор», «оригинал» исходного жанра героической трагедии превращаются в одну растиражированную цитату, оторвавшуюся от первоисточника и ставшую общим местом [8].

В итоге имитация «подчиняет» себе оригинал, а сознание критика вытесняет из бурлескной трагедии всякое собственное авторское сознание, в этом плане совершенно логичной в произведении становится замена образа автора образом критика. При этом автор избегает эксплицитного комментирования событий бурлеска, сохраняя внешнюю непоколебимую серьезность и скрывающуюся за этой серьезностью иронию, и оставляет произведению право говорить самому за себя. Таким образом, бурлескная трагедия оказалась весьма характерной моделью для разоблачения любого несоответствия жанра и жанровой системы самим себе, выполняя функцию иронической литературной рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блум, Х. Страх влияния. Карта перечитывания / Х. Блум. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. – С. 161.
2. Лебедева, О.Б. История русской литературы XVIII века / О.Б. Лебедева. – Москва: Высшая школа, 2003. – С. 557. – Режим доступа: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/11795/ogl.shtml#t62> (дата обращения: 18.04.2022).
3. Литературная энциклопедия / под ред. А.В. Луначарского, в 11 т., Т.5. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931. – С. 142-143.
4. Морозова, М.Н. Героические пьесы Джона Драйдена: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: 10.01.03 / М.Н. Морозова. – СПб, 2002 – С. 7.
5. Островский, И.В. Драматургия Джона Драйдена 1670-х гг.: от героической драмы к трагедии / И.В. Островский. – Режим доступа: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/angliya/ostrovskij-dramaturgiya-drajdena.htm> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Толочин, И.В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический

аспект / И.В. Толочин. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – С. 57.

7. Хайченко, Е.Г. Английская мелодрама, бурлеск, экстраваганца, пантомима / Е.Г. Хайченко. – М.: Изд-во «ГИТИС», 1996. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/hajchenko-romanticheskie-zrelischa/skazki-dlya-teatra-ili-burlesk.htm> (дата обращения: 18.04.2022).

8. Чеснокова, Т.Г. Бурлескная трагедия Генри Филдинга в контексте жанровой традиции / Т.Г. Чеснокова // Arbor Mundi (международный журнал по теории и истории мировой культуры) выпуск 17. – РГГУ: Москва, 2010. – С. 56-57.

9. Щирова, И.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: Книжный Дом, 2007. – С. 55.

10. Щирова, И.А. От мастерства писателя к открытиям читателя. В поисках сущности текста / И.А. Щирова, З.Я. Тураева // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – М.: URSS, 2016. – Том 20. – № 1. – С. 117.

11. Chase, L.N. The English Heroic Play / L.N. Chase. – New York, 1903. – P. 5.

12. Dentith, S. Parody. The New Critical Idiom / S. Dentith. – New York: Routledge, 2000. – P. 190.

13. Dryden, J. Of Heroic Plays. Essays of John Dryden / J. Dryden. – Oxford: The Clarendon Press, 1900. – P. 150.

14. Fielding, H. The Tragedy of Tragedies or The Life and Death of Tom Thumb the Great / H. Fielding. – New Haven: Yale University Press, 1918. – p. 24, 48.

REFERENCES

1. Blum X. Strah vliyaniya. Karta perechityvaniya – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1998. – S. 161 (In Russ.).

2. Lebedeva O.B. Istoriya russkoj literatury XVIII veka. – Moskva: Vysshaya shkola, 2003. – 557 s. // Available at: [https://www.universalinternetlibrary.ru/book/11795/ogl.shtml#t62\(data obrashcheniya:18.04.2022\)](https://www.universalinternetlibrary.ru/book/11795/ogl.shtml#t62(data obrashcheniya:18.04.2022)) (In Russ.).

3. Literaturnaya enciklopediya / pod red. A.V. Lunacharskogo, v 11 t., T.5. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1931. – S. 142-143 (In Russ.).

4. Morozova M.N. Geroicheskie p'esy Dzhona Drajdena: Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk: 10.01.03 / SPb, 2002 – S. 7 (In Russ.).

5. Ostrovskij I.V. Dramaturgiya Dzhona Drajdena 1670-h gg.: ot geroicheskoj dramy k dragedii // Available at: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/angliya/ostrovskij-dramaturgiya-drajdena.htm> (дата обращения: 18.04.2022) (In Russ.).

6. Tolochin I.V. Metafora i intertekst v angloyazychnoj poezii: lingvostilisticheskij aspekt. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. – S. 57 (In Russ.).

7. Khaychenko E.G. Anglijskaya melodrama, burlesk, ekstravaganca, pantomima. – М.: Изд-во «ГИТИС», 1996 // Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/hajchenko-romanticheskie-zrelischa/skazki-dlya-teatra-ili-burlesk.htm> (дата обращения: 18.04.2022) (In Russ.).

8. Chesnokova T.G. Burlesknaya tragediya Genri Fildinga v kontekste zhanrovoj tradicii. Arbor Mundi (mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury) vypusk 17. RGGU: Moskva, 2010 – S. 56-57 (In Russ.).

9. Schirova I.A., Goncharova, E.A. Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretaciya: Uchebnoe posobie. – СПб.: Knizhnyj Dom, 2007. – С. 55 (In Russ.).

10. Schirova I.A., Turaeva Z.Ya.. Ot masterstva pisatelya k otkrytiyam chitatelya. V poiskah sushchnosti teksta. – М.: URSS, 2016 // Vestnik RUDN, seriya Lingvistika, 2016, tom 20, № 1. – S. 117 (In Russ.).

11. Chase L.N. The English Heroic Play. – New York, 1903. – P. 5 (In English).

12. Dentith S. Parody. The New Critical Idiom. New York: Routledge, 2000. P. 190 (In English).

13. Dryden J. Of Heroic Plays. Essays of John Dryden. – Oxford: The Clarendon Press, 1900. – P. 150 (In English).

14. Fielding H. The Tragedy of Tragedies or The Life and Death of Tom Thumb the Great. – New Haven: Yale University Press, 1918. – 223 p. (In English).

Материал поступил в редакцию 20.04.22

CRITICISM OF HEROIC DRAMA IN H. FIELDING'S BURLESQUE "THE TRAGEDY OF TRAGEDIES, OR THE LIFE AND DEATH OF TOM THUMB THE GREAT"

A.A. Alexandrova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod), Russia

***Abstract.** The article analyzes Henry Fielding's burlesque "The Tragedy of Tragedies or The Life and Death of Tom Thumb the Great" as a work of art imitating the genre of heroic drama for the purpose of critical reinterpretation. The principle of construction and comic effect of burlesque is described, the genre of heroic drama is characterized and analyzed as the basis for comic burlesque imitation. Multilevel correspondences and inconsistencies of burlesque and heroic drama are investigated. The conclusion is made about the author's intention in creating burlesque imitation as an ironic literary reflection.*

***Keywords:** intertextuality, dialogism, imitation text, burlesque, heroic drama, heroic play, satire, criticism.*

УДК 8

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО**Х.Ш. Точиева**, кандидат филологических наук, профессор
Ингушский государственный университет (Магас), Россия

Аннотация. В статье сделана попытка рассмотреть в развитии (от ранних произведений до «Братьев Карамазовых») концепцию человека в творчестве Достоевского. Акцентируется внимание на типах, проявляющих определенные свойства человека (тип мечтателя, тип подпольного человека и т.д.), которые все усложняясь, обретают характер противоречивых сочетаний самых разных свойств и качеств Человека в позднем творчестве. Достоевский осваивает проблему человека в контексте конкретного Времени, Вселенной, Вечности. Все проблемы Бытия и метафизики пропущены через сущность человека. Достоевский доказывает, что несмотря на несовершенство человека, он – Божественное создание и открыт Совершенствованию. В центре всего творчества Достоевского стоит человек и проблема его совершенствования.

Ключевые слова: антрополог, концепция человека, эволюция сознания, типология характера.

Достоевский – великий антрополог, а не психолог. И в своем понимании человека он прошел определенный путь. В своих размышлениях о человеке и его сущности он начал с анализа «мечтательности» как одном из кардинальных свойств человека. Это не только мечтатель из «Белых ночей», Макар Девушкин или Вася Шумков, но это и каторжники в «Записках из Мертвого дома», которые тоже мечтают... о свободной и разгульной жизни. Такой широкий спектр проявления «мечтательности» свидетельствует, что это качество является одним из глубоких свойств человека, определяющим понимание его сущности.

Далее Достоевский делает наблюдение над таким понятием как «сильные» и «слабые» типы людей. В повести «Хозяйка» мы видим сильный тип Мурина. Автор анализирует метафизическую сущность этой «силы». Эта сила необъяснима естественными причинами. У Мурина какая-то мистическая сила и способность влиять на людей и события. Ордынов, герой повести, делает тщетную попытку раскрыть эту способность. Очевидно, тут требуется другой подход нетрадиционного понимания человека, его сущности. Ордынов испытывает глубокий кризис, связанный с постижением иррационального в человеке, значимости своего бытия вне рутинной жизни и общепринятых представлений.

Достоевский сам испытал кризис «обоснованности» жизни и стал ответственным человеком, способным сказать новое слово о Человеке. Достоевский транслирует свой опыт «нахождения» себя, Человека в себе, на своих героев.

В «Записках из подполья», завершающем раннее творчество писателя, он показывает ситуацию отношений «подпольного» человека и внешнего мира. В этой повести сделана определенная систематизация идей о человеке. Достоевский решает вопрос о сущности человека как существа, выходящего за рамки природных закономерностей. Достоевский сформулировал идею о несубстанциональной сущности сознания. Он открыл «подпольное сознание», которое противостоит всему существующему и выявляет в себе **ничто** в качестве

своего универсального основания. Только у отдельных людей открывается осознание в себе этого **ничто**, и тогда начинается кризис, благодаря которому человек обретает себя. Жан-Поль Сартр гениально развил эту идею Достоевского в трактате «Бытие и ничто». Познав это «ничто», человек обретает подлинную и безграничную свободу, которая может привести к безумию и гибели, если не преодолеть ощущение ужаса, как подлинной ответственности перед Миром. Но если его преодолеть – человек обретает такую свободу, которая дает ему возможность встать над миром и быть независимым. В повести «Игрок» герой, обнаруживший в себе это ничто, получает способность видеть свою судьбу и определять ход событий. «Сильная» личность, преодолевшая кризис и познавшая ничто, не связана с категориями Добра и Зла.

Внутренняя сила человека может быть направлена как на созидание, так и на разрушение, причем в последнем она проявляется ярче. Причина в том, что Ничто имеет двойной характер, то есть оно несет в себе абсолютную пустоту созерцания и абсолютную полноту творения. Таковы некоторые положения концепции человека до создания Великого Пятикнижия, точнее до «Братьев Карамазовых».

Еще Н. Бердяев отмечал, что в метафизике Достоевского все вращается вокруг концепции человека. В системе категорий Бог, Свобода, Жизнь, Любовь, Дьявол Личность занимает центральное место, так как все эти категории должны способствовать пониманию человека, его сущности и конечного предназначения. В каждой из упомянутых категорий, использовавшихся в создании различных метафизических систем, всегда оставался неизменным принцип Иерархии. Так, в традиционном Христианстве наверху стоял Бог, следом за ним помещались понятия Свобода, Жизнь, Любовь. На следующем смысловом уровне Иерархии – Человек, ниже – Эмпирический мир, Зло, Греховность.

Новая традиция, которая ведет начало от учения Николы Кузанского, частично присутствует у Спинозы, Лейбница, Фихте (это кульминация), отождествляет человеческую личность (несовершенство) и Бога (абсолютное совершенство), в результате чего эти метафизические «полюса» сомкнулись и замкнулись друг на друге.

Достоевский довел до конца разрушение иерархической системы – он ввел принцип равноправия и взаимозависимости друг от друга всех ключевых метафизических определений Бытия. При этом надо помнить, что онтология Достоевского **монистична**, хотя подлинное начало бытия по Достоевскому – это бездна и загадка. **Несмотря на** или **вследствие** отсутствия в мировоззрении Достоевского иерархии элементов, можно говорить, что центральный элемент его системы – это Личность. «Личность есть Абсолют» – так формулируется отсюда главный тезис. Это значит, что при исследовании каждого элемента онтологической системы важным остается аспект отношения их к Личности, а смысл Личности можно познать только из взаимодействия и связи с остальными элементами метафизики.

Таким образом, все творчество Достоевского есть последовательный художественный анализ многообразия отношений между существенными элементами указанной системы. В связи с тем, что каждый элемент возможно определить только через его отражения во всех остальных, односторонний подход и поверхностное изучение произведений Достоевского приводит к ошибочным концепциям. Огромную роль играет атмосфера поиска смыслов, выражающая бесконечную динамику бытия. Достоевский ищет рационального подхода к пониманию Иррационального – то есть в основе его творчества мы видим метафизический эксперимент. Он выстраивает жизнь, основываясь на метафизических приоритетах, не совпадающих с реальной обыденной жизнью. Например, такой персонаж как Кириллов – это парадоксальная метафизика: он хочет обосновать Абсолютность Личности, которая способна перейти в другое метафизическое состояние, и стать Человеко-Богом. Преодолев страх Смерти и Боли, то есть «человеческое, слишком человеческое», Личность поднимается в другое измерение и становится Человеко-Богом.

Раскольников ставит эксперимент в отношении Зла (преступления) и Свободы

Личности, Мышкин проповедует Любовь в качестве Абсолюта между людьми как эксперимент. Иван Карамазов выносит обвинительный приговор Богу исходя из своей метафизики, он радикально расходится с существующими представлениями о взаимоотношениях Мира, Человека и Бога.

Одна из главных и самых сложных проблем в творчестве Достоевского – это проблема отношений личности и Бога. Кажется, будто из-за принятия личности за Абсолют, Достоевский подрывает основу для понятия Бога. На самом деле, в творчестве писателя Бог всего лишь имеет другой смысл, который отличается от традиционного понимания. Достоевский в черновых набросках для «Дневника писателя» за 1877 год пишет: «Христианство является доказательством того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть». Здесь писатель явно предполагает, что Бог вторичен по отношению к человеку; Бог существует, но не «в себе», а раскрываясь («вмещаясь») в человеке. Иными словами, Бог – это абстрактное качество, которым может обладать человек. Для лучшего и более глубокого понимания вышеупомянутого выражения стоит проанализировать следующее высказывание Достоевского из дневника 1881 года: «При полном реализме найти в человеке человека... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» (27. 65). Здесь так же говорится о «христианском духе», свидетельством которого являются не поиски Бога в человеке, как кажется в предшествующем высказывании, а желание «найти в человеке человека». Некоторые исследователи считают, что под «человеком», которого нужно найти, имеется в виду «образ Божий» (К. Степанян). Однако это не разрешает противоречий между высказываниями, противоречие даже усиливается, так как образ Божий и Бог в христианской метафизике являются разными категориями; с этой точки зрения, это высказывание является парадоксальной «ересью».

Таким образом, в философии Достоевского есть два различных понятия Бога. Первое – это «Бог вообще», он не реальный, он есть скрытое свойство человеческой личности, через раскрытие которой личность обретает свою абсолютность. Второе понимание – это, собственно, Иисус Христос как Абсолют, это человек, «нашедший в себе человека», то есть ставший подлинным Совершенством, тем самым задав идеал. Для Достоевского не существует никакого реального Бога, есть только Христос в его человеческой природе.

Рассмотрим концепцию Человека в романе «Братья Карамазовы».

После многолетних раздумий о загадке человека Достоевский, уже в конце жизни, пришел к той модели человеческой Личности, которая в предшествующем творчестве не сформировалась окончательно. В романе «Братья Карамазовы» эта модель выражается достаточно ясно и четко. В этом произведении нет ни одного значимого героя, которого можно было бы от начала и до конца его истории отнести к «положительным» или «отрицательным».

Так, считается общепринятым относить Федора Павловича Карамазова и Смердякова к «отрицательным» персонажам. Однако при внимательном изучении образ Федора Павловича оказывается неоднозначным. Так, например, после приезда сына Алеши он меняется: «приезд Алеши как бы подействовал на него даже с нравственной стороны, как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его <...> (Достоевский ПСС, т. 14, с. 16). Его любовь к Алеше действительно искренняя, он даже вспоминает о первой жене и отдает за нее в монастырь тысячу рублей, и о второй жене, которую он узнает в Алеше. В образе Федора Павловича есть та диалектика, какая присутствует в описании других героев. В нем можно увидеть намеки на веру: «Я шут коренной, с рождения, все равно, ваше преподобие, что юродивый; не спорю, что и дух нечистый, может, во мне заключается, небольшого, впрочем, калибра, <...>. Но зато я верую, в Бога верую. Я только в последнее время усомнился, но зато теперь сижу и жду великих словес» (Достоевский ПСС, т. 14, с. 29). Старец Зосима, видя проблему его психологии,

советует ему не стыдиться самого себя. И даже в ответе Федора Павловича на этот совет прослеживается что-то глубокое и искреннее: «Вы меня сейчас замечанием вашим «не стыдиться столь самого себя, потому что от сего лишь все и выходит», – вы меня замечанием этим как бы насквозь проткнули и внутри прочли. Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я и в самом деле сыграю шута, не боюсь ваших мнений, потому что все вы до единого подлее меня!» Вот потому я и шут, от стыда шут, старец великий, от стыда. От мнительности одной и буяню. Ведь если б я только был уверен, когда вхожу, что все меня за милейшего и умнейшего человека сейчас же примут, – Господи! Какой бы я тогда был добрый человек!» (Достоевский ПСС, т. 14, с. 30).

В образе Смердякова, как кажется на первый взгляд, нет ничего положительного. Однако есть такой момент, что он часто «задумывался» и как бы уходил в себя. Задумываться – это уже качество «созерцателя» (так называют таких людей). Задумается, а потом может в монастырь пойти или совершить злодеяние...

До конца ли положителен Алеша, главный герой? В главе «Бесенок» в беседе с Лизой Хохлановой герой признается в темных мыслях и желаниях, которые и его посещают. А Зосима, его учитель, в молодости был развратен, пил – гулял, избил денщика накануне дуэли. С ним произошло чудо – встреча с Таинственным посетителем, исповедь которого всколыхнула его душу. Таким образом, святость не дается, а обретается большой душевной работой.

Иван – богоборец, но говорит, что не Бога не принимает, а Мира Божьего не принимает и не может согласиться принять. Он предъявляет счет Богу за земные страдания людей. Это отличает его от представителей Манихейства, которые оправдывают зло. Проблема человека и Бога решается в великом диалоге между Инквизитором и Христом. Христос рассчитывал на свободного человека, способного добровольно выбрать между злом и добром – добро, умеющего преодолеть в себе страх и неуверенность. А великий Инквизитор убежден, что человек слаб и боится свободы выбора и готов отдать ее любому тирану, чтобы самому не выбирать. Ибо выбор – это труднейшая и ответственная задача. Гуманизм Христа – это гуманизм добровольного выбора, гуманизм свободного человека, в которого верит Христос, а великий Инквизитор предлагает свой гуманизм – для слабых, которых поведет он, избранный. Эти избранные, а их немного – они знают правду, и эта правда с Христом, но они считают, что человек слаб, они не могут выдержать ответственность и они, избранные, берут на себя ответственность откорректировать Христа и стать на защиту «слабого» человека, раба. Диалог между Христом и Инквизитором – это не только диалог о сущности человека (раб он или свободная личность), но это и диалог двух форм гуманизма: **подлинного** гуманизма, основанного на любви, и **мнимого**, основанного на неуважении к человеку как слабому существу.

Человек должен помнить, что он бессмертен, а потому не бояться Свободы выбора – структурировать себя Человеком (найти в себе Человека) и это в высшем круге Бытия станет основой, на которой человек воздвигнет свою божественную сущность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 21 век глазами Достоевского: перспективы человечества. – М., 2002.
2. Аллен, Л. Достоевский и Бог / Л. Аллен. – С-Пб., 1993.
3. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1977.
4. Бердяев, Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев. – М., 1993.
5. Достоевский, Ф.М. ПСС. в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1972-1990. Наука 1976. Т. 15. – С. 205. Далее сноски на это издание – в скобках том и страница.
6. Евлампиев, И.И. Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым») / И.И. Евлампиев. – М., Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012.
7. Захаров, В.Н. Имя автора – Достоевский / В.Н. Захаров. – М., 2013.
8. Кашина, Н. Человек в творчестве Достоевского / Н. Кашина. – М., 1986.

9. Туниманов, В.А. Проблема человека в наследии Достоевского и Ницше / В.А. Туниманов // Достоевский и мировая культура. – СПб., 1998. – № 11.

10. Франк, С.Л. Легенда о Великом инквизиторе // О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие / С.Л. Франк. – М., 1991.

Материал поступил в редакцию 18.03.22

THE CONCEPT OF HUMAN IN DOSTOEVSKY'S WORK

Kh.Sh. Tochieva, Candidate of Philological Sciences, Professor
Ingush State University (Magas), Russia

Abstract. *The article attempts to consider in the development (from the early works to the Brothers Karamazov) the concept of man in Dostoevsky's work. Attention is focused on the types that exhibit certain human properties (the type of a dreamer, the type of a full-fledged person, etc.), which, becoming more complicated, acquire the character of contradictory combinations of various properties and qualities of a Human in late creativity. Dostoevsky masters the problem of human in the context of a specific Time, Universe, Eternity. All the problems of Being and metaphysics are passed through the essence of human. Dostoevsky proves that despite the imperfection of human, he is a Divine creature and is open to Perfection. At the center of all Dostoevsky's work is a human and the problem of his improvement.*

Keywords: *anthropologist, human concept, evolution of consciousness, typology of character.*

УДК 821.161.1

КАВКАЗ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ М. БУЛГАКОВА**Х.Ш. Точиева¹, Э.Х. Далиева²**

¹ кандидат филологических наук, профессор, ² кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Ингушский Государственный Университет (Магас), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается пребывание М. Булгакова на Кавказе (Грозный, Владикавказ) в период Гражданской войны, его непосредственное участие в боях под Чечен-аулом, яркие впечатления от людей и событий и одновременно тревога, неустроенность и желание бежать на родину.*

***Ключевые слова:** война, горцы, Чечен-аул, возвратный тиф, провинциальный городок Владикавказ, газета, подотдел в ЛИТО, работа над пьесой «Сыновья муллы», чтение лекций о Пушкине.*

В статье рассматривается, как воздействовал Кавказ периода Гражданской войны на художественное сознание М. Булгакова, его видение мира. Анализируются такие произведения, как «Записки на манжетах» и «Записки юного врача», «Сыновья муллы».

О значении кавказской тематики в русской литературе сказал еще В.Г. Белинский, и смысл его суждения относится ко всей последующей литературе: «Кавказу будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной».

Действительно, многие классики русской и советской литературы начинали свой творческий путь на Кавказе. Это М. Лермонтов и А. Бестужев Марлинский, Л.Н. Толстой и М. Горький, В. Маяковский и М. Булгаков.

Для других поэтов – С. Есенина, А. Белого, Б. Пастернака, Н. Тихонова – Кавказ стал вехой, обогатившей их творчество зарядом новых красок, впечатлений, образов. Вот почему проблема художественного осмысления кавказской действительности и, в частности, нашего региона имеет большое теоретическое и практическое значение для литературоведческой науки.

Кавказу в русской литературе прошлого, особенно 19 века, посвящено много трудов советских исследователей, среди которых особенного внимания заслуживают труды Л. Семенова, И. Андроникова, В. Шадури, А. Попова, М. Юсуфова и др. Менее изучена кавказская тема в литературе XX века. Проблема отражения национальной действительности и национального характера в русской литературе, эстетического значения факта начала литературной деятельности некоторых писателей в нашем крае остается открытой. Между тем, освоение национальных образов, проблематики, быта формировало в определенной мере творческий метод писателя, его эстетические взгляды. Кавказская тема имеет глубокие корни в русской литературе, уходящие к 17 и 18 векам, особенно плодотворно она развивалась в русской литературе 19 века, что связано с определенными общественно-политическими событиями. Став местом ссылки декабристов и всех «инакомыслящих» свободолюбцев, Кавказ постепенно из географического края превращается в Образ, эстетическую категорию, символизирующую Свободу, Непокорность, Мужество. Сила традиции закрепила со временем за Кавказом репутацию приюта вольнолюбия, а первозданная и суровая красота этого края придавала ему дополнительную эстетическую значимость и романтическую окраску.

Передовая русская литература в лице Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого с глубокой

симпатией изображала Кавказ и его свободолюбивых обитателей. Писатели создали образы мужественных горцев, превыше всего ставящих свою свободу и человеческое достоинство. Кавказ вдохновлял русских писателей на создание значительных произведений искусства. Яркая красота этого края, выразительная образность, тончайшая лирика песен горцев, мужество и отвага его героев стали художественным материалом величайших произведений литературы, среди которых в первом ряду стоят «Кавказский пленник» Пушкина, «Валерик» и «Измаил-Бей» Лермонтова, «Хаджи-Мурат» и «Казачьи рассказы» Л. Толстого. В настоящей статье речь пойдет о первых литературных опытах М. Булгакова, связанных с его пребыванием на Кавказе, в нашем регионе.

Булгаков оказался на Кавказе в период бурных событий гражданской войны. Ему, как и многим представителям интеллигенции, не все было ясно в происходящих политических событиях. Дело осложнялось еще тем, что на Кавказе противоречия обострялись национальными традициями и предрассудками, особым накалом страстей, что для человека, оказавшегося в гуще событий и непосвященного, приобретало почти фантастический колорит. Возможно, именно такое начало литературного пути объясняет неповторимый булгаковский гротеск, мягкий юмор, сложность стиля и нотки грусти в его произведениях.

Пребывание Булгакова в Грозном относится к 1919 году (сентябрь 1919-февраль 1920), где он служит врачом в Белой гвардии. В армии оказался по мобилизации, он и ранее, на Украине, был дважды мобилизован в контрреволюционные войска и оба раза бежал. Дезертировал и на этот раз, очевидно в первой половине февраля 1920 года. Указанный период, участие Булгакова в бое при Чечен-ауле, первые публикации в местных газетах долго оставались наименее известными страницами его биографии. Исследователь Л.М. Яновская из Харькова выпустила блестящую монографию о творчестве Булгакова и ввела в литературоведческий обиход новые и интересные материалы о пребывании писателя в Грозном. М. Булгаков утверждал, что его первая публикация (литературный дебют) относится к 19 ноября 1919 года – точные даты в принципе характерны даже для художественных произведений Булгакова. Именно в Грозном он начал печататься в местных и даже, как он писал в письмах, «во многих кавказских газетах». Знакомство с произведениями, в которых описываются события гражданской войны в нашем крае, позволяет сделать определенные наблюдения над эстетическим и этическим восприятием происходящего Булгаковым, приоткрывает процесс становления его как художника. Основным источником сведений о пребывании писателя на Кавказе являются письма Булгакова из Владикавказа, опубликованные в работах М. Чудаковой, В. Чеботаревой и др. Эти работы, а также произведения самого Булгакова – автобиографические «Записки на манжетах» (1923), рассказ «Необыкновенные приключения доктора» (1922), «Богема» (1925), фельетон «Неделя просвещения», опубликованный во владикавказской газете «Коммунист» (1-е апреля 1921), дают ценнейший материал для познания творчества, а также настроений, психологического состояния писателя этого периода. Пребывание Булгакова на Кавказе, начало его литературной деятельности здесь как драматурга, фельетониста, прозаика давно занимают исследователей. Интересные изыскания сделали в этом направлении Л.М. Яновская, Д. Гиреев. Исследователи творчества Булгакова давно обратили внимание на автобиографический характер большинства произведений писателя. Это и «Записки юного врача», «Белая гвардия», «Театральный роман», пьесы: «Дни Турбиных», «Бег». Автобиографическими являются произведения, относящиеся к периоду пребывания Булгакова во Владикавказе и Грозном. Они создавались на материале кавказских впечатлений писателя. Характерные особенности этих произведений – они написаны от первого лица, события датируются, называются подлинными местами, имена людей, детали... Автор стремится максимально точно и непосредственно выразить то, что пережито, выстрадано, хотя еще не все понято и обобщено. Изображаемая действительность освещается в произведениях Булгакова («Необыкновенные приключения доктора», «Записки на манжетах») неповторимым светом его видения мира: с легкой иронией, с неподдельной

искренностью, с беспощадным отношением к самому себе рисует Булгаков сложные события, очевидцем и участником которых он невольно стал. Особый интерес представляет рассказ «Необыкновенные приключения доктора», события которого связаны с пребыванием писателя в нашем крае. В рассказе дано описание Чечен-аульского боя. Рассказ довольно точно воспроизводит подлинные события тех дней, свидетельством чему является работа историка М.А. Абазатова. Язык произведения отличается чрезвычайной эмоциональностью и, вместе с тем, чувствуются неровность, тревога в стиле. Литературный язык перемежается с разговорной лексикой: «Чеченцы как черти дерутся с «белыми чертями»... [2, с. 43]. «Пулеметы гремят дружно целой стаей». Автор не уверен в правильности тех, с кем он оказался волею судеб в одном стане. Более того, уверен в обратном: «Голову даю на отсечение, что все это кончится скверно. И поделом – не жги аулов» [2, с. 45].

Образность необычная (как необычно, странно и страшно то, что происходит вокруг), но яркая, живая: «Льет жгучее солнце». Пейзажи отличаются богатым звуковым и цветовым решением, выполняя в то же время важную психологическую нагрузку. Внутреннее состояние героя настолько тесно переплетается с «дыханием» природы, что кажется, они живут единой жизнью. Особенно это касается главы «Ночь».

Бой еще не окончен, Чечен-аул еще не взят, в наступившей ночи – напряженность, волнение героя-рассказчика объясняется неизвестностью и грозящими опасностями. «Все тише стрельба, гуще сумрак, таинственнее тени... Чем черней, тем страшней и тоскливей на душе. Наш костер трещит... Лица казаков в трепетном свете изменчивые, странные. Вырываются из тьмы, опять ныряют в темную бездну. А ночь нарастает безграничная, черная, ползучая. Шалит, пугает. Ущелье длинное. В ночных бархатах – неизвестность. Тыла нет. И начинает казаться, что оживает за спиной дубовая роща. Может, там уже ползут, припадая к росистой траве, тени в черкесках. Ползут, ползут...» [2, с. 43]. Эмоциональный накал порою так силен (влияние горского темперамента), что целые абзацы заполнены восклицательными интонациями. «Ах, типун на язык!», «С хлангу!», «Господи, боже мой! Что же это такое!»... Эмоциональность стиля, ирония и самоирония родились, без сомнения, здесь, на Кавказе, где автор частенько посмеивается над собой: «Да что я, Лермонтов что ли? Это, кажется, по его специальности? При чем здесь я!?» [2, с. 44] – отмечая свою негероичность, созерцательную позицию.

Сочувствие к дезертировавшему фельдшеру Гелендюку (фрагмент «Утро») свидетельствует об осуждении действий Белой армии автором, бессмысленной жестокости войны. В используемом нами произведении чувствуется уважение автора к горцам, сознание справедливости их борьбы, справедливости их мести: «Чеченцы шпарят из аула. Бьются отчаянно. Но ничего не выйдет. Возьмут аул и зажгут. Где ж им с двумя паршивыми трехдюймовками устоять против трех батарей кубанской пехоты... С гортанными воплями понесся их лихой конный полк вытоптаннами, выжженными кукурузными пространствами. Ударили с фланга в тверских казачков. Те чуть теку не дали» [2, с. 43].

Ощущение вины и жестокости совершаемого вокруг в произведении М. Булгакова говорит о его высоком гражданском сознании. Вскоре писатель дезертировал из рядов Белой армии. В начале 1920 года Булгаков попадает во Владикавказ, где публикует небольшой рассказ «Дань восхищения». Исследователь М. Чудакова предполагает, что именно этот эпизод описан Булгаковым в его автобиографии 1924 года: «Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который меня затащил поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание «с отличием» и писал». Рассказ «Дань восхищения» был опубликован в «Кавказской газете» (Владикавказ, 5 февраля 1920 года), несколько отрывков этого рассказа Булгаков вырезал и послал родным в Киев. Материал рассказа связан с гражданской войной в Киеве. В течение всего 1920 года Булгаков печатал фельетоны в различных газетах и работал в ингушском отделе культуры, которым заведовал

А.Г. Гойгов. В письмах и автобиографии Булгакова запечатлен период его пребывания во Владикавказе и разнообразной литературной деятельности. В письме к брату, от 1 февраля 1921 года, рассказывая о своей жизни в истекшем году, он пишет: «Фельетоны мои шли во многих кавказских газетах. Это лето я все время выступал с эстрады с рассказами и лекциями. Потом на сцене пошли мои пьесы. Сначала одноактная юмореска «Самооборона», затем написанная наспех, черт знает как, 4-актная драма «Братья Турбины». Бог мой, чего я еще не делал: читал и читаю лекции по истории литературы (в Университете народа и драматической студии), читаю вступительные слова и проч.» [3, с. 272]. Текста одноактной пьесы «Самооборона» не сохранилось в архиве писателя, указаний на его содержание в письмах тоже нет. Ингушский профессор Мальсагова Тамара Тонтовна, которая играла в этой пьесе главную роль, вспоминает, что содержание пьесы сводилось к следующему: «Во время революционных волнений для защиты горожан от бандитов устанавливались ночные дежурства жильцов дома, которым вручалось и оружие, это и есть самооборона. Здесь на посту стоит героиня, молоденькая девушка. Приставание к ней всевозможных ухажеров, ее страх и составляют комическую ситуацию. Действующие лица: Иванов – «обыватель», Командиров – председатель домового комитета и т.д. Пьеса эта была поставлена в г. Владикавказе группой участников ингушской художественной самодеятельности на русском языке. Кроме Т.Т. Мальсаговой в пьесе были заняты Нина Альтемирова, Магомед Ханиев.

«Братья Турбины» были поставлены вслед за «Самообороной» осенью 1920 г. В начале 1921 года написана еще одна пьеса, которая не упоминается в письмах, дошедших до нас, не о ней говорится в автобиографических «Записках на манжетах» в гротескно-юмористической форме, свойственной Булгакову. «Сто тысяч!.. У меня сто тысяч!..

Я их заработал! Помощник присяжного поверенного, из туземцев, научил меня. Он пришел ко мне, когда я молча сидел, положив голову на руки, и сказал: – У меня тоже нет денег. Выход один – пьесу нужно написать. Из туземной жизни. Революционную Продадим ее... Я тупо посмотрел на него и ответил: – Я не могу ничего написать из туземной жизни, ни революционного, ни контрреволюционного. Я не знаю их быта. И вообще, я ничего не могу написать. Я устал, и, кажется, у меня нет способности к литературе. Он ответил: – Вы говорите пустяки. Это от голоду. Будьте мужчиной. Быт – чепуха! Я насквозь знаю быт. Писать будем вместе. Деньги пополам.

С того вечера мы стали писать... Он называл мне характерные имена, рассказывал обычаи, а я сочинял фабулу. Он тоже. И жена подсаживалась и давала советы. Тут же я убедился, что они оба гораздо более меня способны к литературе. Но я не испытывал зависти, потому что твердо решил про себя, что эта пьеса будет последним, что я пишу...» [2, с. 62-63].

Сам автор дает пьесе тут же уничтожающую характеристику: «Через семь дней трехактная пьеса была готова. Когда я перечитал ее у себя, в нетопленной комнате, ночью, я, не стыжусь признаться, заплакал! В смысле бездарности – это было нечто совершенно особенное, потрясающее! Что-то тупое и наглое глядело из каждой строчки этого коллективного творчества. С зеленых сырых стен и из черных страшных окон на меня глядел стыд. Я начал драть рукопись. Но остановился. Потому что вдруг, с необычайной чудесной ясностью, сообразил, что правы говорившие: написанное нельзя уничтожить! Порвать, сжечь... От людей скрыть. Но от себя самого – никогда! Кончено! Неизгладимо» [2, с. 63].

Автор уничтожил все экземпляры, но после его смерти один экземпляр, сохранившийся у Тамары Солсановны Гойговой, жены ингушского писателя А.Г. Гойгова, был отослан жене Булгакова – Елене Сергеевне Булгаковой (1893-1970), которая тщательно собирала архив писателя и передала его на государственное хранение. Теперь эта пьеса хранится в архиве писателя при библиотеке имени В.И. Ленина.

Если бы не точные данные, приведенные в автобиографии, трудно было бы в этой вещи узнать «руку» Михаила Булгакова.

Кто же был соавтором Булгакова? Соавтором его был Т. Пейзулаев, присяжный

поверенный, дагестанец. Между тем, В. Чеботарева высказала мнение, что соавтором Булгакова был Борис Робертович Беме, адвокат и библиофил.

Это положение неверно. Во-первых, потому что соавтор в автобиографии назван туземцем, т.е. горцем. А Беме по происхождению шотландец, он не мог хорошо знать местный быт и нравы. Кроме того, Т.Т. Мальсагова вспоминает, что соавтором Булгакова был некий Пейзулаев, дагестанец, юрист. У Булгакова – помощник поверенного. Т.Т. Мальсагова хорошо знала Б.Р. Беме и утверждает, что он не мог быть соавтором Булгакова.

В. Чеботарева считает, что пьеса была поставлена группой любителей на осетинском языке. По свидетельству Т.Т. Мальсаговой, которая играла в этой пьесе героиню, пьеса была поставлена членами ингушской драматической студии на русском языке. Пьеса имела огромный успех, затем спектакль повезли в Грозный. Вот как об этом пишет сам автор: «В туземном подотделе пьеса произвела фурор. Ее немедленно купили за 200 тысяч и через две недели она шла» [2, с. 63].

«В тумане тысячного дыхания сверкали кинжалы, газыри и глаза. Чеченцы, кабардинцы, ингуши, – после того как в третьем акте геройские наездники ворвались и схватили пристава и стражников, кричали: Ва! Подлец! Так ему и надо!

И вслед за подотдельскими барышнями вызывали: «Автора». За кулисами пожимали руки. – Пирикрасная пьеса! И приглашали в аул [2, с. 63].

Интересно, что несмотря на резкую самокритику автора, пьеса понравилась публике, она импонировала их революционному духу. То есть, несмотря на неглубокое решение характеров, слабость конфликта, декларативность, пьеса верно отразила характеры и быт горцев, а главное – тот процесс изменения жизни, который происходил в горах. Этим и объясняется «фурор»! Афиша гласила: «Смотрите новую пьесу в трех актах из жизни ингушей «Сыновья муллы». Обратимся к анализу пьесы. Сюжет ее таков: к мулле Хосботу приезжает в отпуск старший сын Магомед, офицер. Он хочет жениться на приглянувшейся ему девушке Аминат. В честь его приезда устроена вечеринка с гармонией и танцами. Внезапно приезжает и другой сын – Идрис, студент, но не на каникулы, а по каким-то тайным причинам. Любовная коллизия пьесы усложняется тем, что родственники девушки запросили очень большой калым. Рассчитывая на отказ, они хотят отдать девушку за шейха. Он из богатой семьи. Увезти ее нельзя – это значит кровная месть, да еще с самим шейхом. Ситуация усложняется. В это время к Идрису приезжает его друг – оборвыш Юсуп, который скрывается от властей в горах. Идрис, оказывается, тоже убежал из Москвы, он член Большевицкой партии, и у властей есть ордер на его арест. Юсуп советует ему идти в горы. Но Идрис начал деятельность в своем селе – он собирает у себя ингушей и просвещает их. Финал неожиданный. В дом Хосбота приходят арестовать Идриса, но тут появляется Юсуп и сообщает, что в городе Советская власть. В России произошла революция. Идрис свободен, арестовывают пристава и старшину Мурзабека. Идрис советует своему брату переходить к красным. Магомед срывает эполеты и идет с братом. Мулла Хосбот признает правоту Идриса. Как видим, драматические коллизии разрешаются очень легко. Образы Идриса, Хосбота, Магомеда схематичны. Это наивно-революционная пьеса. И все же это образы горцев, вайнахов, с присущим им темпераментом и сложным укладом жизни: идти против вековых традиций (кровная месть), религиозных догм, авторитета старших особенно трудно. Шейхи, муллы держат в духовной кабале, прежде всего, свою семью. Таков Хосбот. Он не в состоянии понять интересов своего сына Идриса. Противоречия в жизни горцев были сложнее, глубже, чем их показал Булгаков, однако динамика изменений, стремительность, с которой новое врывалось в жизнь горцев, показаны верно. В пьесе сказан интерес русского писателя к типам горцев, их социальным и нравственным конфликтам. Пьеса приоткрывает завесу над первыми драматургическими шагами Булгакова и является промежуточным звеном от драм «Братья Турбины» к «Дням Турбиных». В автобиографических «Записках на манжетах» Булгаков описывает период своего пребывания во Владикавказе, столице горской автономной республики – это 1920 год. Сложная обстановка гражданской войны, автор-

рассказчик терпит голод и нужду, но страшнее другое – духовная неустроенность. Среди местной интеллигенции царят страх, потерянности, отсутствие какого бы то ни было ориентира. Таким был и сам Булгаков, в то время дезертировавший из белой армии и никуда не примкнувший. Вот он в гротескной форме изображает свою работу: «В гулком здании заходят, выходят... В комнате, на четвертом этаже, два шкафа с оторванными дверцами, колченогие столы... С креста снятый, сидит в самом центре писатель и из хаоса лепит подотдел. Тео. Изо. Сизые актерские лица лезут на него и денег требуют» [2, с. 54].

«После возвратного – мертвая зыбь. Пошатывает и тошнит. Но я заведываю. Зав.Лито. Осваиваюсь» [2, с. 54]. Для Булгакова – это было трудное время. Оторванный от родных, вне литературных связей, в чужом крае, где все незнакомо, в тяжелейшем материальном положении, он часто испытывает приступы отчаяния, которые передает своим неповторимым стилем с примесью горечи и иронии, с саркастическим юмором: «Голодный, поздним вечером, иду в темноте по лужам. Все заколочено. На ногах обрывки носков и рваные ботинки. Неба нет. Вместо него висит огромная портянка. Отчаянием я пьян и бормочу: «Александр Пушкин! Lumen coeli (Строки из баллады А.С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный»)» [2, с. 62]. Много впечатлений о периоде пребывания во Владикавказе осталось у Булгакова, много характеров, лиц запечатлелось в его творческом сознании, но это был едва ли не самый трудный период в биографии писателя.

Кавказская действительность того времени, отличавшаяся чрезвычайной сложностью: переплетение передовых революционных идей с национальными пережитками и религиозными предрассудками, обилие языков, экзотичность характеров, горский темперамент, почти безрассудная храбрость и воинственность народов – все это должно было ошеломить художника с таким психическим складом и воображением, как Булгаков. И мы решаемся предположить, что именно здесь, на Кавказе, Булгаков получил заряд своей «фантастической образности» и метафоричности, которая проявится в последующих произведениях. Сложность окружающей действительности, парадоксальное переплетение, казалось бы, несовместимых вещей дало направление художественному мышлению Булгакова в область гротескно-символического, фантастического, где глубокая и порою мрачная философия соединены с психологической трепетностью и чистотой.

Мы стремились в своей работе показать, как отразился период пребывания писателя в нашем крае на его творчестве. Малоизвестные страницы биографии писателя, связанные с его пребыванием в Грозном и Владикавказе, представляют огромный интерес, воссоздавая яркий героический момент в истории горских народов – их участие в гражданской войне – и открывая завесу того, как бурная эмоционально-богатая кавказская действительность формировала эстетические взгляды Булгакова, его видение мира, что отразилось в его неповторимой образности, гротескно-символической и лирической одновременно.

«Прошелестело платье в соседней комнате, зашептал женский голос:

– Сегодня ночью ингуши будут грабить город...

Слезкин дернулся в кресле и поправил:

– Не ингуши, а осетины. Не ночью, а завтра с утра.

Нервно отозвались флаконы за стеной.

– Боже мой! Осетины?! Тогда это ужасно!

– Какая разница?

– Как какая? Впрочем, вы ведь не знаете наших нравов. Ингуши, когда грабят, то...они грабят. А осетины – грабят и убивают...

– Всех будут убивать? – деловито спросил Слезкин, пыхтя зловонной трубкой.

– Ах, Боже мой! Какой вы странный! Не всех...Но кто вообще...» [2 с. 52].

В это время (1920 г.) Булгакову удается устроиться в один из подотделов ингушского отдела культуры, которым заведовал Абдул-Гамид Гойгов, общественный деятель и писатель.

В «Записках на манжетах» Булгаков так описывает свои мытарства:

«Что мы будем делать?

Слезкин усмехнулся одной правой щекой. Подумал. Вспыхнуло вдохновение.

– Подотдел искусств откроем!

– Это... что такое?

– Что?

– Да вот... подотдел?

– Ах нет! подотдел!

– Под? – Угу! Почему под?» [2, с. 52-53].

«А это... Видишь ли, – он шевельнулся, – есть от наро-образ или наро-образ. От. Понимаешь? А у него подотдел. Под. Понимаешь? – Наро-образ. Дико-образ...» [2, с. 53].

«...Мы откроем... ИЗО, Лито, Фото, Тео...»

– Не понимаю...

– Ты зав. лито будешь? Да.

– Изо. Физо. Ингуши сверкают глазами, скачут на конях. Ящички отнимают. Шум. В луну стреляют...

Фельдшерница колет ноги камфорой. Третий приступ! О-о! Что же будет?!» [2, с. 54].

Вскоре М. Булгакову удается уехать в Тифлис, а оттуда в Москву, где, впрочем, царит такая-же неразбериха гротескно изображенная в нескольких главах. Одна из глав так и называется «Московская бездна». Все и вся несется подхваченное сквозняком, без смысла и логики. Хаос. Опять гротескное ЛИТО, созданное наспех и также внезапно улетучившееся. Голод и неприкаянность. В этом абсурде и хаосе выкристаллизовывается особый булгаковский стиль, особый взгляд на мир – с большой долей отстраненности и иронии, самоиронии и грусти.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что пребывание на Кавказе, смута и хаос периода гражданской войны, непонимание происходящего привели к формированию особого художественного булгаковского метода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков, М.А. Пьесы / М.А. Булгаков. – М., 1987.
2. Булгаков, М.А. Рассказы и повести / М.А. Булгаков. – М., 2005.
3. Земская, А. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет / А. Земская. – М., 2004.
4. Чудакова, М.О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М.О. Чудакова. – М., 1988.
5. Яновская, Л.М. Творческий путь Михаила Булгакова / Л.М. Яновская. – М.: Сов. писатель, 1983.

Материал поступил в редакцию 18.03.22

THE CAUCASUS IN THE AESTHETIC PERCEPTION OF M. BULGAKOV

Kh.Sh. Tochieva¹, E.Kh. Dalieva²

¹ Candidate of Philological Sciences, Professor, ² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature Ingush State University (Magas), Russia

Abstract. *The article examines M. Bulgakov's stay in the Caucasus (Grozny, Vladikavkaz) during the Civil War, his direct participation in the battles near the Chechen village, vivid impressions of people and events, and at the same time anxiety, unsettledness and a desire to flee to his homeland.*

Keywords: *war, mountaineers, Chechen village, recurrent typhus, the provincial town of Vladikavkaz, newspaper, sub-department in LITO, work on the play "Sons of Mullah", lectures on Pushkin.*

УДК 80

**ПОСТРОЕНИЕ СЮЖЕТА ОТ ЛИЦА ГЕРОЯ
В ЖАНРАХ ВИДЕОРЕПОРТАЖА И ВИДЕОИНТЕРВЬЮ
ДЛЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ****В.А. Цивкунова,**

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Россия

***Аннотация.** В статье рассмотрены варианты построения сюжета от лица героев в жанрах видеорепортажа и видеointервью для социальных сетей, а также методы работы журналиста на разных этапах подготовки публикации, которые помогают выстроить повествование без прямой речи репортёра и интервьюера.*

***Ключевые слова:** журналистика, жанры, репортаж, интервью, видеорепортаж, видеointервью, интернет, социальные сети, сюжет, герой интервью, герой репортажа, трансформация жанра.*

В интернет-пространстве лидирующим медиа-инструментом стало графическое отображение информации посредством видео, фотографий или рисунков. Данный феномен обусловлен преимуществами современной коммуникации с помощью компьютеров и смартфонов – быстрыми способами создания и передачи информации любого вида.

Мы решили обратиться к жанрам видеointервью и видеорепортажа, как наиболее популярным и просматриваемым медиаматериалам в социальных сетях и на видеосервисах. Их востребованность связана с тем, что из всего многообразия форм новостных публикаций, именно интервью и репортаж наиболее полно раскрывают личность или событие – то, что действительно произошло или происходило в реальной жизни людей. Безусловно, выбранные интернет-варианты данных журналистских работ значительно отличаются от их прародителей – телевизионных и радиовещательных интервью и репортажа. В первую очередь, изменения связаны с особенностями инструментов сети интернет, а также – поведения потенциальных зрителей на конкретных медиаплощадках.

Одним из актуальных процессов в трансформации жанров интервью и репортажа становится выход героя публикации на первый план, в то время как журналист становится творцом «за кадром», практически теряя свой активный голос и лишь направляя и грамотно оформляя живую историю и настоящие эмоции персонажа.

На данный момент, в силу принципиальной новизны жанров видеointервью и видеорепортажа для социальных сетей, не существует учебной теории и описания конкретных инструментов воздействия на зрителя. Мы рассмотрим несколько примеров публикаций в данных жанрах и рассмотрим приёмы разных этапов создания материала, в котором в главной роли простой человек и его голос предаёт ключевую информацию, а за журналистом остаётся лишь функция профессионального транслятора этих сообщений.

Буллинг в школе, meduza.io¹, YouTube [2]

В данном видеointервью работники издания рассказывают об опыте травли в школе, с которым они сталкивались лично. Рассмотрим те инструменты, с помощью которых журналисту удалось из множества ответов собрать единое видеointервью.

Интервьюером задана конкретная тема: рассказать о том, каким респонденты помнят буллинг в их школьные годы. Важно отметить, что журналист выбрал людей разного возраста и пола. Безусловно, их количества недостаточно для того, чтобы назвать короткий ролик достоверной статистикой. Поэтому на этапе монтажа автор материала прибегает к текстовым вставкам: выдержкам из официальных исследований и опросов благотворительной организации Ditch the Label, занимающейся вопросами травли молодых людей на международном уровне [1]. Таким образом, рассказы сотрудников издания становятся наглядным примером для подобной статистики.

Отвечающие представляют сторону тех, кто травил. Лишь один из респондентов, Андрей Козенко, признаётся, что после того, как он «вырос» и поменял взгляды на жизнь, он побывал на месте объекта буллинга. Когда у конфликта есть две условно враждующие стороны, его можно представить с трёх разных ракурсов: показать либо одного из оппонентов, либо мнение обоих. В данном случае статистика в виде авторских ремарок отвечает за информацию о тех, кого травил, в то время как в самом видеоматериале активный голос отдан тем, кто травил. Авторская интенция заключается в том, чтобы глубже разобраться в причинах издевательств в школе, ведь причины лежат не в «особенностях» жертв буллинга, а в «характеристиках» его инициаторов.

Каждый из говорящих отвечает на одни и те же вопросы, которые в дальнейшем не озвучиваются в самом репортаже. Однако каждый из последующих вопросов подразумевает логичное продолжение мысли, полученной из предыдущих ответов. Нами выделено семь предполагаемых вопросов для респондентов:

1. Кем был тот, кого травили?
2. Почему его травили?
3. Как его травили?
4. Какое участие принимал интервьюируемый в этой травле?
5. В какой момент он(а) осознал(а), что это неправильно?
6. Почему респондент примыкал к толпе?
7. Думали ли дети о чувствах того, кого травили?

Таким образом, благодаря множеству ответов, которые способны дополнять друг друга, создаётся полифоническое звучание, акцентируется внимание на актуальной проблеме, которая существует в школах в течение не одного десятка лет (об этом можно судить, исходя из примерного возраста респондентов).

Подобный приём единодушного многоголосия, наличие серии личных монологов-исповедей героев наиболее актуален для видеointerview на остросоциальные темы.

Встреча с донором, Romb, ВКонтакте [3]

Данная публикация является видеорепортажем. Несмотря на то, что рассказ построен от лица героини, в самом материале рассматривается конкретное событие, его причины, результаты и промежуточные этапы. История Екатерины – это причина происходящих событий. Она подана кратко, а в центре ролика – встреча россиянки с донором костного мозга. В репортаже, безусловно, использованы элементы интервью: имеется субъективная точка зрения, позволяющая лучше узнать предысторию и понять значимость этой встречи как для Екатерины, так и для Себастьяна.

Нам удалось узнать² у создателей данного видеоматериала, каков процесс создания ролика, как они смогли построить из разрозненных моментов единое повествование, которое позволило репортажу стать одним из наиболее просматриваемых от издания Romb в их группе в ВКонтакте.

Не всегда речь персонажа чистая и логично построенная. Однако ошибки, паузы, оговорки делают рассказ живым и искренним. Их не должно быть слишком много, однако и избавляться от них также не стоит. Екатерина запинаясь, в её речи есть слова-паразиты – всё это подчёркивает её волнение. И это на руку журналисту, поскольку так встреча героини

со своим донором кажется эмоциональнее и чувственнее. На наш взгляд, это один из неискусственных способов воздействия на зрителя.

Герой должен находиться в движении. Репортажи для соцсетей не терпят статики. Должно происходить действие, каждый кадр для ёмкости видеоряда необходимо наделять смыслом. Эта история о том, как девушка не остановилась, а продолжила свою жизнь. Вот почему даже простая прогулка в парке не только психологически поможет герою интервью чувствовать себя свободнее, но и позволит донести определённую мысль, что на этой истории ничего не заканчивается.

Если тема ролика касается какой-то научной, в данном случае, медицинской проблемы, в качестве второстепенного героя желательно иметь специалиста, который поможет показать ситуацию не только с бытовой, но и с профессиональной точки зрения. Так, Евгения Лобачева, глава отдела рекрутинга Национального регистра доноров костного мозга, за 35 секунды описывает основную проблему, связанную с трансплантацией костного мозга. Остальные комментарии специалиста даны в качестве текстового сопровождения к тем видеофрагментам, которые важны для раскрытия сюжета, но не нуждаются в аудиоряде.

Чтобы видеорепортаж был интересен для пользователей социальной сети, важно не только найти героя непосредственного события, но и правильно его показать. Кроме того, через *частное*, историю одного человека, нужно показать *общее* – социальную, гуманитарную или иную проблему. Предельные наглядность и ёмкость – основные принципы видеожанров для социальных сетей.

Парикмахер для особенных детей, Romb, ВКонтакте [4]

В центре данного видеointervью история Тимура Газиева, парикмахера из Новосибирска, который работает с особенными детьми. Материал рассказывает не о событии (хотя в ролике и используются элементы репортажа), основной задачей является раскрытие самого персонажа интервью.

Авторы этого интервью также поделились с нами особенностями разработки подобных публикаций².

Герой подобного формата должен быть носителем определённой активной позиции: он находится в действии, своими поступками показывает пример для подражания, занимаясь конкретной работой, транслирует свои взгляды на жизнь, общество, политику и т.п.

Так, Тимур выступает за равноправие среди клиентов парикмахеров, вне зависимости от их физического и ментального состояния. Важна его работа: он занимается стрижкой. Отсюда логичной становится необходимость показать его в своей «естественной среде». Включённые в интервью элементы репортажа – возможность показать героя в действии, передать суть его работы не на словах, а на деле. Журналист ведёт съёмку из салона, где работает Тимур, а также в квартирах тех клиентов парикмахера, которые не могут добраться до него самостоятельно.

Ещё один элемент, позаимствованный из жанра репортажа – комментарии второстепенных персонажей. Их истории необходимо рассказать коротко, создавая, как мы отмечали ранее, в анализе материала о буллинге, полотно из схожих историй. Матери особенных детей отвечают на один вопрос: почему они не могут стричься в обычных парикмахерских. Создаётся объёмная картина актуальной социальной проблемы: от отношения посторонних людей и самих парикмахерских к людям с проблемами в развитии до задач инклюзивности городской среды. Личные комментарии матерей добавляют смысловые оттенки в повествование, расширяют проблематику ролика смежными темами, но не создают лишних *акцентов* (так, Юлия Нечаева вскользь затрагивает тему отказа родителей от детей с особенностями). Но мысль «вброшена», она на подсознательном уровне «пульсирует», «будоражит» многомерностью социальных вопросов, которые требуют решения.

Благодаря такому фону, портрет героя становится масштабнее: мы осознаем, что

перед нами пример социального поведения человека в современном обществе.

Мы отобрали примеры, относящиеся к социальной проблематике. Задача подобных публикаций показать *общее через частное*. Формат социальных сетей позволяет наполнять интервью и репортажи наглядным визуальным рядом, который привлекает внимание пользователей. Важно в короткое время ёмко и ярко отразить конкретно поставленный вопрос, рассказать одну, но действительно впечатляющую историю. В нашей работе «Способы и средства воздействия в текстах массовой информации» мы определили, что зрители в социальных сетях с большим интересом относятся к историям, в центре которых – конкретный герой, принимающий непосредственное участие в описываемых событиях. Вот почему, вне зависимости от жанра: интервью или репортажа, – центральное место занимает персонаж, а не сторонний наблюдатель – журналист. Это обуславливает ряд новых средств и способов воздействия на зрителя, увеличивает психологизм в работах журналиста, обеспечивает новые приёмы построения материала, активизирует психологическую работу журналиста с героем.

Примечания

¹ Издание meduza.io признано в России иноагентом. «Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента».

² Данные получены из онлайн видеошколы РОМБ «Теория и практика создания репортажа», которая проходила с 11 по 28 июня 2021 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ditch the Label: официальный сайт. – Великобритания. – Режим доступа: <https://www.ditchthelabel.org/research-papers/the-annual-bullying-survey-2016> (дата обращения: 19.03.2022). – Текст: электронный.
2. Meduza. (2017) Почему мы травим одноклассников? [видеоинтервью] // YouTube. 10 февраля (<https://www.youtube.com/watch?v=hAhp2VTrLc>).
3. РОМБ. (2020) Россиянке пересадили костный мозг. Спустя 7 лет она встретила со своим донором [видеорепортаж] // VK. 17 марта (https://vk.com/rombstory?w=wall-137171573_121472);
4. РОМБ. (2020) Тимур Газиев, парикмахер для особенных детей [видеорепортаж] // VK. 26 июня (https://vk.com/rombstory?w=wall-137171573_146373).

Материал поступил в редакцию 12.04.22

PLOTTING ON BEHALF OF THE CHARACTER IN THE GENRES OF VIDEO REPORTAGE AND VIDEO INTERVIEWS FOR SOCIAL NETWORKS

V.A. Tsivkunova,

Yaroslavl Demidov State University, Russia

Abstract. *The article discusses options for plotting on behalf of the characters in the genres of video reporting and video interview for social networks, as well as methods of work of a journalist at different stages of publication preparation, which help to build a narrative without direct speech of a reporter and interviewer.*

Keywords: *journalism, genres, reportage, interview, video reportage, video interview, internet, social networks, plot, interview hero, reportage hero, genre transformation.*

УДК 8

ЯЗЫК ЧЕЛОВЕКА: ГОЛОС, СЛОВО, МОЛЧАНИЕ

В.А. Кутырев, доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Россия

***Аннотация.** Выявляются-конструируются исторические этапы развития языка: от речи и рукопись/ма, через печать-текст к ситуации смерти языка (и) человека в письмен-исчислении. Последнее – структурно-лингвистическая катастрофа. Это отказ от языка как носителя смысла и переход к цифровой онтологии. Мир вступает в эпоху трансмодерна. Прогрессивной перспективой его развития становится состояние матрицы или «слипания» в точку. Для сохранения человеческой реальности нужен консервативный поворот и философия сопротивления.*

***Ключевые слова:** язык, речь, слово, человек, печать, текст, письмо, различие, грамматология, исчисление, коммуникация, дигитализм.*

XX век в философии – время конца метафизики как мира субстратов, вещей, сущностей и перехода к миру отношений, функций и системо-структур. Время вытеснения онтологии субстанциализма гносеологическим трансцендентализмом и априоризмом. Все явления и вещи превратились в узлы пересечения отношений. Качественно несоизмеримые виды бытия, включая оппозицию материи и духа, стали отличаться друг от друга не более чем по уровню организации. Стали соизмеримыми и, следовательно, количественно выразимыми, в исследовательской перспективе – транс(дисциплинарными). В теоретическом мышлении произошел антисубстанциалистский структурный поворот, который правомерно считать предтечей информационной революции.

Однако живой, чувственный мир не сразу или не до конца улавливает(л)ся абстрактными структурами. Тогда на помощь познанию пришло обращение к языку. Это естественная структура, изначально используемая человеком для овладения реальностью. Именно он(а) формирует картину мира. Еще чувственную, но уже организованную мыслью. Мир не только выявляется, но и конструируется. «Конструруется». Соответственно, в познании язык, занимая место природы, становится главным объектом и одновременно инструментом исследования. Апофеозом здесь можно считать взгляды Витгенштейна, предложившего рассматривать любую философию как аналитику языка. Любую, везде и всегда. Тем более в гуманитарных дисциплинах. На доказательстве универсальности языка, когда вещи представляются «пересечением языковых практик», передовые гуманитарии XX века истерли все свои языки. Великие языки. Тезис, что мир – это отношения и язык, язык – «наше все», приобрел статус непреложной истины.

Структурно-лингвистический поворот похоронил метафизику, хотя, разумеется, ее пережитки, их носители в философии, шире, в культуре – остались. Продолжая коснеть в своем субстанциализме, реализме, антропологизме и прочих «квалиа», они, выговаривая себе право на параллельное существование, тем не менее, не осмеливались оспаривать языковую философию, критиковать ее глобальную экспансию.

Но... ничто не вечно под солнцем. Угроза языку пришла неожиданная, с противоположной стороны. Во второй половине XX века мир вступил в эпоху постмодерна, философским выражением которой стал *постструктурализм*. Постструктурализм, не означая реванша вещиности и отказа от структур, «снял» их, преодолев синхроническую ограниченность, вводя в отношения время (синергетика), а в отношении метафизики, наоборот, еще более углубил борьбу с ней, доведя антисубстанциализм до логического конца – изгнания из самого мышления. Первоначальная форма постструктурализма – деконструкция. Сначала направленная на метафизику бытия (анти-тео-онто-этно-фоно-фаллоцентризм), она завершается анти-лого(с)центризмом, т.е. лишением статуса бытийности субъекта и его сознания. Смерть автора, субъекта, в конце концов, человека, как носителей логоса для постмодернистской идеологии медицинский факт. Но язык до сих пор остается в стороне. Человек умер, а он будто бы живой, логос дискредитируется, а будто бы не имеет к языку отношения. Распространение текстуализма не оценивается как начало подрыва языка. Ж. Деррида выдвинул новую программу моделирования мира посредством «письма», объявив его «архе», первичным по отношению к слову и речи. Ее пересказывают и восхваляют, не соотнося с тем, что *она направлена на окончательное преодоление языка*. До сих пор не осознано, что это его смертельный враг. Идея постлингвизма пробивается с трудом (кто бы мог подумать!), слишком долго языковая картина мира, анализ языка были олицетворением прогресса, символом последнего слова в гуманитаристике. Для подавляющего большинства ее философствующих представителей так и остается.

Но крот истории копает, двигаясь из глубин жизни вверх, к «концу», в область, на свою погибель, чистого, больше не обусловленного никаким чувственным субстратом разума. И добрался до языка, все чаще показываясь на его открытой поверхности. Пошли разговоры о «признаках увядания традиционной сигнальной системы» и «конце библейского проекта». В искусстве художественной задачей концептуализма стал «выход из плена языка». Священную корову начали атаковать, как часто бывает, изнутри – филологи, ее предатели, число которых растет, превращаясь в толпу. Она пополняется дилетантами извне, философскими (новации быстрее всего воспринимают люди поверхностного ума). В качестве последнего слова о языке культивируются странные выкладки типа: «чем ниже умственное развитие человека, тем его картина ближе к языковой; и наоборот, чем выше умственное развитие человека, тем его картина мира дальше отстоит от языковой» [Блох, 2011, 115-116]. Вброшена идея некоего «антиязыка», о содержании такового, правда, кроме того, что «это совокупность классов антислов, номинирующих референты, которые нельзя поименовать с помощью естественного языка» [Нилогов, 2007, 175], ничего вразумительного ее пропагандисты сказать не могут, даже словами. Пишущий эти строки автор тоже внес лепту в подрыв влияния языковой философии, объявив, без развернутых доказательств, что «произошла структурно-лингвистическая катастрофа: смерть языка и индивида» [Кутырев, 2007, 74]. И наконец, феномен, который не спишешь на эпатаж дилетантов: в филологии структурную лингвистику почти вытеснила лингвистика когнитивная. А «когнитивность», если к этому слову относиться всерьез, означает формализуемость, математизацию, информатизацию. Вряд ли при таком подходе язык-слово будет чувствовать себя уютно. «Когнитивная лингвистика» – не оксюморон ли это? Вопрос(ы), на который(е), не претендуя на собственно лингвистический анализ, мы будем пытаться отвечать, рассматривая *отношения человека и языка*.

1. Язык т(ч)еловека: речь-рукопись/мо

Язык, я-зык, зычить, я-зык, я-звук, звучать. Горло, говорить, орить, орать. До того как язык стал Словом, которое было «в Начале», а потом любой коммуникацией, которая стала «Всем», «в начале был Звук». К-рик, рык, ры(е)чание. *Голос*: вой, стон, рев, мычание и т.п.

Он превратился в человеческий, когда принял форму несущей смысл речи, извещавшей о состоянии мира или того, кто прежде ревел, выл, стонал и кричал. Форму со-обще-ния. Возник Человек, мыслящее животное. И язык – в базовом смысле этого слова, как звучание, артикулированное смыслом. Тождество и различие из звуков, комплексы звуков, фонема. Как от(вы)ражение разделения окружающей реальности и своих переживаний на вещи и отношение к ним. С криком и из крика, подавляя, оттесняя его «вниз», остаточное превращая в интонацию и между(о)метия, из голоса возникло Слово. Организованная связь фонем. Вы-сказы-вания. Речь. *Человек говорящий*.

Человек и кто говорит – сотни тысяч лет было одно и то же. Верно и наоборот: кто говорит, тот и человек. Определение сущности человека по труду или сознанию есть теоретизация. Феноменологически, «для глаза» люди отличались от прочих существ по внешнему облику, а для слуха по владению словом. При встречах с дикарями первым определителем их человеческого статуса была речь как звучащее слово. Да что с дикарями: «Слово, – определяет В.И. Даль, – способность человека выражать гласно мысли и чувства свои». Тысячи лет слово было живым. Слова, крики, пение-говорение: (что вижу, то и пою) – это форма бытия, переживание мира, непосредственное отношение к нему. Язык = голос, речь. Логос = смысл, слово. *Человек мыслящий*.

Первоначальный логос не сводился к логике, мышлению или «установлению коммуникации с другими людьми», как стали трактовать позднее. Он был «телесным». В языке-речи-логосе человек проявляется как целостное, не только рациональное, но чувствующее, желающее существо, с душой и волей. Кроме очевидной этничности, слова имеют пол, они мужского или женского рода, возраст, молодые или старые, передают настроение, злые или добрые. Не случайно, по мере рационализации логоса, в религиозной философии, прежде всего русской, возникло оппозирующее этой тенденции довольно сильное течение, в котором первичным проявлением божественной энергии предлагали считать не логос, а «софию», мудрость, более близкую душе и чувственности человека. Или отстаивали логос в священной библейской трактовке, когда он был явленно связан с плотью [11].

К живому логосу можно отнести все способы непосредственного сообщения людей о мире и своем положении в нем. Прежде всего состояние тела, позу и поведение. По статусу они похожи на крик, общий человеку со всеми животными. Собственно, человеческое, отличное от животных поведение и поза выражаются в жестикеляции. Жест – намеренное движение тела, оно, как и слово, артикулировано смыслом. Язык жестов не голос, но им «говорят», он не звуковой, а «видовой», отсюда его пространственная ограниченность в передаче своего состояния другому, тем не менее, это орган чувств и мысли, присущий только человеку. Животные не делают «жестов», также как не говорят. Жесты – тоже логос. Они тоже продукт культуры, имеют пол, национальность, возраст. В обоих случаях главный признак языка и как живого слова, и как жеста – непосредственная связь с телесностью, их включенность в бытие человека «здесь и теперь». В греческих евангелиях Логосом именуется вопло(ть)щенный Бог. *Христологос*.

Существование языка как звучания, (из)уст-ного слова и телесного жеста, рассуждая формально-логически, длилось до появления письма. Письмо – руко-пись, «ручное слово» означает, что смысл научились выражать не только позой, в звуке, но и графически. В дополнение к звуку. В реальной истории они существ(овали)уют вместе и сейчас. Письмо – одежда речи. После ночного первобытного сна цивилизованные люди од(н)еваются. С другой стороны, все что написано, долго читалось вслух. При обучении грамоте, ребенка буквально до последнего времени с трудом отучали от шептания. Писать в молчании, читать «про себя» – это высший уровень овладения грамотой. Буквы также проговаривались как слово, «полностью»: аз, буки, веди, глаголь, добро... Став абстрактными знаками, они продолжают нести отпечаток звучания: «Звуки на «а» широки и просторны, звуки на «и» высоки и проворны, звуки на «у» как пустая труба» (© Д. Бурлюк). Язык отождествляется с

речью, «пароле», жестами, или в целом, телесная речь рассматривается как его суть до тех пор, пока он считался «непосредственным посредником» между человеком и миром. Был т(ч)еловеческим.

Кроме проговаривания, буквы при обучении письму долго сопровождалась рисунками наиболее распространенных предметов, названия которых начинаются с данной буквы. Иллюстрировались слоги, слова, фразы. Детское чтение, наряду с буквами, «по определению», предполагает картинный ряд. Для облегчения восприятия смысла взрослыми, с некоторых пор возникли комиксы, своего рода феномен неархаической деградации языка. Это говорит о родстве «звукового письма» с идеографией, рисунками и иероглифами, второй могучей ветвью в развитии языка. В лингвистической философии их часто против(со)поставляют, для чего есть веские культурно-исторические основания. Но именно культурно-исторические, инструментальные, а не сущностные, не субстанциальные. Это подтверждается тем, что иероглифическое письмо постепенно трансформировалось от рисунков к знакам. Если, например, китайские иероглифы сохраняют сходство с обозначаемым предметом, то в заимствовавшей их японской письменности, они приближаются к абстрактным буквам. Идеографика противостоит «языку рта», однако в едином континууме телесной речи. Все это «ручной труд/язык».

Хотя слово-голос, руко/письмо и графика обуславливают друг друга, в их целостности всегда был зазор, трещина. Которая, в ходе развития хозяйства, требовавшего усиления роли письма, стал(а) расширяться через отчуждение языка от человека. Потому что написанное способно жить собственной жизнью. Слово тоже, «вылетит, не поймаешь», но создатель письма намеренно отправляет его в будущее. И эти словесные «консервы» хранятся неопределенно долго. Сразу или через некоторое время ими может воспользоваться сам автор, другие их потребители, иногда в течение и после многих веков. (По)явление письменности имело рубежное значение для превращения человеческих отношений из непосредственных в вещные, формирования из общин общества, победы культуры над природой и становления единой истории человечества. В настоящее время трещина между звуковым и письменным языком расплывается до разлома, пропасти, на одной стороне которой остается человек, а на другой – язык. Первый теряет вербальное слово, все больше ограничивающееся сферой быта, второй обретает самостоятельное бытие, трансформируясь при этом в нечто иное.

Эта разверзающаяся пропасть результат возрастания сложности и экономической эффективности социально-исторического развития. Существование языка «т(ч)еловека» в виде звуковой и жестовой речи, а также нарисованных знаков является атрибутом традиционных обществ. Длилось оно, если всю человеческую историю принять за сутки, 23 часа (условный образ, не статистика). Многие короли Средневековой Европы едва умели поставить подпись под указом, а около половины человечества и в настоящее время, в свой последний час, не умеет писать. Кульбиты, которые проделывал Ж. Деррида, чтобы обосновать первичность письма перед речью и рукопись-мом являются ярким примером того, что факты для теоретика, при его сильном желании, особенно с благословения соответствующей (постмодернистской) идеологии, не играют никакой роли (показ подлинного смысла концепции «письма до письма» одна из целей нашей статьи). Однако развитие процесс нелинейный, состоит из многих накладывающихся друг на друга, перев(л)ивающихся потоков. Бесписьменное время продолжается до сих пор, и в тоже время оно остается в истории – преодолено. Решающим фактором здесь стало появление книгопечатания как *индустриальной формы письма*¹.

2. Язык без человека: печать-текст

Печатный станок изобретен в XV веке, но в сущностном смысле печатная книга феномен Нового времени. Как фабричное производство и массовый продукт вместо натурального хозяйства и кустарного труда. В отличие о рукописи, которая согрета

дыханием и пахнет создателем, в печатной книге он отражается условно, мысленно, «указывается». Ничего чувственного их не соединяет. Книга не рождается и размножается, а множится и распространяется. «Тиражируется». Если руко/письмо – это язык, потерявший фоноцентричность, переставший быть голосом, то печать – это письмо, переставшее быть эмпириоцентричным, потерявшее связь с телесностью автора. Благодаря печати возникает особый, не существовавший ранее в мире способ материализации духа, неорганическая форма его бытия. Не в вещах, как было прежде, а на самостоятельной основе. Возникает новый физический носитель духа, притом, что автор, его живой прототип, в нем умирает. Но все-таки «как бы умирает». Не вообще, а как конкретный индивид, и пока «клинически». Потому что в принципе, в какой-то момент он может ожить, озвучить печатное слово, удостоверить его автографом: «сам писал». Для полной, смысловой смерти и «бесчеловеческого» функционирования языка надо (было) дойти до расширенного понимания книги, которое, в дальнейшем привело ее (обычное коварство диалектического развития) к самоотрицанию.

Естественно полагать, что идея несводимости языка к контактному общению индивидов, к «автору», возникала в результате расширения связей между народами и росту знаний. В философии впервые она была высказана Декартом, особенно отчетливо Лейбницем. Потому что язык, превратившийся в письмо, потом в распространяющуюся по всему миру печать, преодолевает пространство и время, приобретая всепроникающий характер. Глобализуется. Это внешне, экстенсивно. Но и внутренне, в сознании людей он начинает представлять не только как способ жизни, орудие мышления и общения, а как некое состояние реальности или, по крайней мере, свойство бытия. Сущностное. Первичен разным образом воплощающий мысль язык, остальное – видимость. Данный процесс, нарастая, развертывался в течение всего Нового времени, его пик влияния приходится на его конец и наступление «Новейшего», назвавшего потом себя эпохой постмодерна. Это состояние, когда в теоретической трактовке мира язык стал всем, а гора книг достигла высоты Эвереста.

Достигла и... вдруг, будто в результате землетрясения, по историческим меркам внезапно (так и в нашей статье), она начинает рассыпаться, язык, «наше все» – терять значение. Особенно в современной научной практике. Эта потеря по-настоящему не оценена, хотя библиотеки на глазах пустеют, место письменных столов и книжных полок в квартирах занимает разного рода аппаратура. Хотя бесписьменных людей на Земле миллиарды, а пишут и читают миллионы, книга, руко-письмо, а вслед за ними и дописьменный вербальный язык, в качестве способа общения утрачивают перспективу. До(бес)письменное время, руко-письмо и книга, существуя до сих пор, в тоже время остаются в истории – преодолены. Перестали быть «прогрессивными», уходят в традицию. Вместо них, на их основе, оторвавшись от человека как родового существа, теряя связь с ним, возникает система знаков. Перерождаясь, язык становится текстом. Языковой, структурно-лингвистический поворот облекается в форму текстуального. С одной стороны, язык продолжается, а с другой, он его «снимает».

Текст тоже язык, но как сухое молоко или винный порошок в сравнении с вином и молоком, он нечто особое, о-без-жизненное, со всеми вытекающими отсюда потерями и преимуществами для распространения. Возгонка языка в текст, омертвляя его, одновременно делает универсальным. Если эмпирически мыслимый язык, пусть всеобщий, невольно заставляет нас вс-помнить о человеке, то текст избавлен от последнего на всех уровнях. У текста как бы один автор и потому нет конкретных авторов. Он тоже книга, но разросшаяся до Библи(и)отеки, описывающей весь мир. *Вместо мира*, в котором больше нет необходимости. Текст не «вещь» и не отражение чего-либо. Он бессубстратен, включая наиболее абстрактную форму субстратности – пространство. Это чистая среда чистых отношений. Вселенная текста просторна и однородна. Кругом знаки, знаки, знаки. Вещи? Это «неудачное наименование знака». Человек, личность? Это «самоинтерпретирующийся текст». «*There is nothing outside of the text*» (вне текста ничего нет) – вот альфа и омега

текстологии.

Разумеется, представления о тексте менялись. Вначале это была действительно «абстрактная книга», приравненная к реальности многомерный язык-структура. Некий гуманитарный аналог информационной картины мира, «гуманитарный информатизм». Подобно информации, которая до изобретения компьютеров и интернета рассматривалась как «информация о» (чём-то), текст первоначально тоже представал как высшее выражение структурно-лингвистического подхода. Без времени и динамики. И пока он был в качестве «большой книги», «всемирной библиотеки», устойчиво организованной системы знаков, хотя бы и без означающего, говорить о «текстуалистском повороте» как принципиально новом этапе в развитии человеческой ментальности вряд ли оправдано. Это событие надо связывать с возникновением *постструктурализма*, в контексте которого представления о тексте стали напоминать нечто иное, в сравнении не только со звуко-графическим, но и печатным способом существования языка. Появляются понятия «мягкого текста», гипертекста, интертекста. Текстология становится переходной формой опять к «письму», хотя не рукописному и не индустриальному, а другому. Постиндустриальному. Какому, если определеннее? Иноформационному. Какому, если конкретизировать? Приближаясь к ответу на этот вопрос, *постструктуралистскую* текстологию лучше (будем) называть *текстуализмом*.

Возникновение собственно *текстуализма*, его отличие от предшествующего метафизического философствования, а потом и *структурализма* отчетливо зафиксировал Р. Рорти в удачно озаглавленном очерке «Идеализм девятнадцатого и текстуализм двадцатого веков». «В прошлом столетии были философы, доказывающие, что существуют лишь идеи. В нашем столетии есть авторы, пишущие так, как если бы существовали лишь тексты. В число этих авторов, которых я буду называть *текстуалистами*, входят, например, представители так называемой «Иельской школы», группирующиеся вокруг Гарольда Блума, Джеффри Гартмана, Джона Миллера и Поля де Мана, мыслители французского «постструктурализма» такие как Жак Деррида и Мишель Фуко, историки, подобные Полю Рабинову... Центром тяжести интеллектуального течения, к которому относятся эти авторы, является не философия, а литературный критицизм» [Rorty, 1991, 139].

Мировоззренческая особенность *текстуализма* в том, что в тексте не различается бытие и небытие. Только смысл. Что живой конь, что фантазийный Пегас – неважно. Пегас не существует, но смысл данное понятие имеет. В принципиально значимой для постмодернистского подхода к миру работе Ж. Делеза «Логика смысла» осуществлено снятие определяющей для философии проблемы истины. Она заменяется проблемой места в отношениях, которым задается смысл. Притом, в отличие от *структурализма*, место не является постоянным. Это «место без места», благодаря чему самые отдаленные, не имеющие ни генетического, ни материального родства элементы связаны, хотя не физически, а динамической согласованностью поведения. *Текстуалистский* мир детерриториализован. Его смыслы образуются из отсылок знака к знаку. Он в «постоянном становлении». *Текстуалистский* мир *номадичен*. Без границ и глубины, функционируя как замкнутая на себя целостность. Главное одно: чтобы знаки были взаимно коррелятивны, всегда находились в состоянии «hang together» (висели вместе) – откликались, отвечали друг другу. *Коммуницировали*.

Несмотря на то, что знаки кроме себя ничего не означают, внутри текста кипит «жизнь», циркулируют имеющиеся и вырабатываются новые знания. Для рассмотрения этого бессистемного, мерцающе-мелькающего мира нужна какая-то другая философия, с неметафизическим категориальным аппаратом, вообще, какое-то особое «алогоцентричное» сознание, или, может тогда не сознание вовсе. Которое разрабатывалось в *постструктуралистской* философии, почему *текстуализм* можно считать ее другим именем. Если говорить культурологически, это категория *постмодерна*, где, как известно, *центризм*, без которого нет системы (его метафора – дерево), отрицается. Текст – развернутая «ризом» (Ж. Делез), «лабиринт» (У. Эко), «игра складок» (Ж. Деррида). В нем преодолены все

«центризмы», в том числе человек, происходит отказ от любой иерархии и устойчивой организации. Если на первых порах, в борьбе структурализма с метафизикой, растворялся автор и оставался читатель, то в постструктурализме деконструируется и читатель: «текст сам читает себя». А главное, отрицается последнее представительство человека – лого(с!)центризм. Отрицается, в сущности, Слово, мысль, сознание как выражение любого сущего: природы, Бога и их философской рефлексии в виде эйдосов, монад, вещей в себе, прафеноменов и т.п. Текстуалистская борьба с логоцентризмом – это борьба со словоцентризмом. *Борьба с языком.*

Р. Барт полагал, что наряду с ризомой, метафорой текста можно считать сеть. Сеть в его время представляли в виде чего-то рыбацкого, паутиного или нечто из области транспорта. Довольно далеко от теоретического мышления. Сейчас, когда большинство людей «коммуницирует в интернете», не правильнее ли считать наоборот, что текст, вместе с ризомой, лабиринтом, складкой и т.п. были метафорами. А *реальностью становилась/является Сеть*. По-английски – net, по-старорусски – ловушка. Куда мы все рано или поздно п(р)опадаем. Текстуализм для судьбы языка – это «болезнь к смерти». Он был ее спекулятивным (как подобает философскому уровню мысли) предвидением, кустарно-гуманитарным предчувствием (прообразом) нового пост-человеческого, когнитивно-сетевого, пост-языково/смыслового мира. Его вос-произведения в cognitive science, где происходит трагическая

3. Смерть языка (и) человека: письмо-исчисление

Любые атаки на язык надо признать дилетантскими, если они не считаются с уже случившимся его превращением в текст и «не знают» про более ранние примеры такого рода. Выдающийся советский лингвист Н.Я. Марр еще в первой половине прошлого века, в самый разгар структурно-лингвистической революции высказал идею, что «Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление... имеет смести и заменить полностью язык. *Будущий язык – мышление, растущее в свободной от природной материи технике.* Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, связанному с нормами природы» [Цит. по: Сталин, 1950, с. 127].

После коммуникационного поворота 70-80 годов XX столетия получили известность, представавшие вызовом одиночки призывы испаноязычного теоретика и практика визуальной культуры Э.Л. Мартинеса, к созданию некоего внесловесного языка: «За тысячелетия цивилизации мы привыкли к этому языку, он дал нам logos и сделал из нас людей. Но новые возможности, которые открывает перед нами техника, делают словесный язык либо недостаточным, либо бесполезным» [Мартинес, 1986, 2, 13]. Параллельно, проблему «мышления без слов» как новую судьбу человечества в контексте методологии мыследеятельности осмыслял Г.П. Щедровицкий [9]. К настоящему времени, в эпоху постмодерна проблема преодоления = уничтожения языка, в принципе, решена. И не в плане критики, догадок или отрицательно, а фундаментально, комплексно и позитивно. Не просто толки о каком-то «антиязыке». *Языку найдена замена.* Заслуга гуманитарно-теоретического осознания этого события принадлежит, прежде всего, Ж. Деррида. В рамках своего, органично вытекающего из текстологии учения о грамматологии, он заменил его «письмом», связав смерть языка со смертью человека и рассматривая обе смерти как результат объективного исторического процесса. «Все то, что уже в течение, по крайней мере, двадцати столетий собиралось и наконец, собралось воедино под именем языка (langage), ныне начинает менять свое пристанище и получает имя письма... Письмо переполняет язык и выходит за его рамки» [Деррида, 2000, 119-120].

Письмо, письменный знак, черта, линия, (грамма – калька с греч., scriptum – лат. или ecrire – фр.). По Ж. Деррида оно возникло раньше «слова», тем более текста. «Отказавшись от понимания письма в узком смысле слова – как линейной, фонетической записи, – можно

сказать, что всякое общество, способное вырабатывать или, иначе говоря, ступшевывать собственные имена и играть классификационными различиями, уже владеет письмом как таковым... Отказ признать письмом знаки, не являющиеся буквами, – это один и тот же жест. Мы видели его как у Руссо, так и у Соссюра» [Деррида, 2000, 252]. Мы видим, что в противоположность «жестам» Руссо (символ метафизики) и Соссюра (символ структурализма) у Деррида (символ постструктурализма) письмо не есть запись звуков, слов или что-то производное от мышления. Оно не воплощение слова-логоса, не обусловлено им; оно не фонетическое, даже *не буквенное*. Уже и не текст. И называется теперь археписьмом (перво-письмом/граммой, прото/пра(о)-граммой, изначальным письмом) – статус, аналогичный древнегреческому «архе». А речь, язык, иероглифы, ручная за-пись/мо звуковых слов, печать, текст – его *разно-видности*, видимые проявления, своего рода вторичные качества. Проявления новой субстанции бытия, материи Нового мира, дверь в который открывается (с) письмом. Которое позволит нам в новом прекрасном безъязык(ов)ом мире, избавиться, наконец, от тяжести своего телесного бытия, от самих себя. «Достоинства устной речи оказались недостаточны для того, чтобы отказаться от искушения – использовать изобретение письма для осуществления лелеемой многими мечты – освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение» [Ажеж Клод, 2003, 183].

Осуществляя эту заветную мечту, философия «снятия» = конца предметной Вселенной (и) человечества, превращения их в феномен и иллюзию, подводит под нее базу, более глубокую, нежели простая замена языка письмом. В ней разрабатывается онтология письма. Которое – первопричина всего. Было: огонь, вода, атомы, кварки, знаки, а теперь – письмо. Мир-письмо. То, что письмо заменяет огонь и воду, атомы и кварки – понятно. Они – элементы метафизической картины реальности, категории присутствия. Но со знаками Ж. Деррида пришлось (и нам, для понимания сути дела) придется повозиться, ибо это отказ от языка и текста, философских завоеваний XX века, это отказ не только от бытия, но и его Книги. Новый постлингвистический и даже посттекстуалистский поворот? *Да!* Ибо поглощая присутствие, «лингво-текстуалисты» не ликвидировали его последнее прибежище – знак. Знак – это знак чего-то. Он предполагает означаемое и может нести смысл. Тем самым в нем сохраняется бытие, по крайней мере, интенционально. Современный этап прогресса посылает запрос на нечто новое, до сих пор на Земле небывалое: на отсутствие, в том числе смысла – на письмо и учение о нем – на грамматику. В ней происходит последний, роковой разрыв со всем «человеческим, слишком человеческим». *Разрыв с естественным (телесным, мозговым) человеческим мышлением*. Грамматологический поворот! Если лингвосомиотический, текстуалистский поворот был поворотом от природы, от предметной реальности, то грамматику – и от «зеркала природы», *от Сознания*.

В мире письма, в отличие от языка и текста, знаки умирают. От них остаются «постзнаки». Содержанием смерти является превращение знаков в состояние, когда они становятся «пустыми», т.е. ничего не означают, не составляют семиосферы. Теперь это (не)знаки, ~~знаки~~², антизнаки. Пустые знаки – элементы ничто, но именно благодаря тому, что перестали быть «носителями мысли, покорной голосу бытия» (М. Хайдеггер), они становятся материалом письма, его «алфавитом». Выражением этого немислимого в существовавшем до сих пор человеческом языке безбуквенного (не)алфавита являются: 1) *trase* и 2) *differance*. Если по-русски, то: 1) след, черта, рисунок на кальке; 2) примерно, поскольку это авторское изобретение Ж. Деррида – различие (различание) промежутков, отсрочка, пробел³. След-черта и различание-пробел в разных комбинациях и есть искомая азбука письма. Они ничем не обусловлены, нельзя указать того, что за ними стоит. Они *causa sui*, субстанция, только без субстрата, поскольку относятся к области отсутствия, небытия. В позитивной форме данные (не)знаки (черточки и пробелы) определяются как граммы, составляя в совокупности алфавит грамматики. Отныне сначала языковое, а потом и любое мышление рассматривается как род писания: *thinking as a kind of writing*.

В учении о грамматиологии Ж. Деррида создал, вернее, осознал или, быть может, гуманитарно симулировал реально складывавшийся в computer science специфически информационный механизм и способ коммуникации: *алфавит без букв – для мышления без слов. Алфавит чисел*. Его графическим выражением являются, повторяясь в разных комбинациях, цифры 1, 0 (например, 1101000111101), а математическое название – бит. В технической практике это дигитальный процесс обработки данных, посредством которого воспроизводится и передаётся, «коммуницирует» информация, однако уже не через слово и не непосредственно человеком, а машиной. Так возник *компьютерный текстуализм, исчисление*, существующее чаще всего в двоичной системе мира цифровой связи, создаваемого компьютерными технологиями. Исчисление и когнитивистика, представленные в гуманитарном сознании как «письмо», пришли на смену языку, слову и знаку – лингвистике, а также всему смысловому человеческому мышлению, научному познанию, логике и эпистемологии, которые до сих пор выражались на естественном языке. Не говоря (не пища?) уже о преодолении (природной эволюции и социальной истории) бытия дотехногенной = «допотопной» эры.

С распространением исчисления наступает великое, драматическое для вещей и тел событие: утрата ими имен, полученных в процессе преобразования предметного мира или «данных Богом» и замена их сначала «никами», паролями, потом цифрами. Потеря имени – потеря идентичности. Себя. «Слова суть слышимые числа нашего бытия» – пророчествовал Велимир Хлебников. Это артикуляция, членение уже без человеческого голоса и рисунков ничто=хаоса на граммы/элементы/биты. Автомат/изм/ – вот обнаженное тело письма. Грамматология есть гуманитарная форма «записи» процессов автоматизированного, потом полностью автоматического про-граммирования. Постязык дигитальной онтологии. Автоматическая машинопись (письмо, если на гуманитарном языке) = программирование (если в технике). Выражение «языки программирования» – оксюморон. На самом деле это (не)языки, ~~языки~~, антиязыки. К человеческому языку они, как и вся математика, имеют определенное отношение, но функциональное, такое же, как самолет к птице, или робот к живому человеку. «Конец языка и начало письма», «конец книги и начало компьютера», «конец логоса и начало матезиса», «конец дискурса и начало программирования», «конец слова и начало цифры», «конец чтения и начало исчисления»... и много, много остальных концов нашего предметно-телесного, традиционного мира и начал нового, (за)родившегося в старом, а теперь его «снимающим», у-ничто-жающим трансмодернистском мир-письме иного. Про(сти)щай, язык! Тебя стали третировать в то время, когда надо спасать. Прогрессивно бездумная философия опять попадает пальцем в небо. В повестке дня сознающего мышления должна быть не критика, не затеваемая ею борьба с языком, а разработка способов его защиты. Не только национальных видов, а вообще – человеческого. *Нужна (бы) экология языка.*

4. Язык со-против-ляется

Перспектива поглощения языка (и) человека, замена их антиязыком = письмом = исчислением была прописана Деррида более 40 лет назад. С тех пор заменяющее живое общение людей компьютерное коммуницирование перестало быть гениальным предвидением и число сторонников грамматиологии, хотя и без понимания ее смысла, неизмеримо выросло. Пока человечество в целом говорит и пишет на языке, старается сохранить даже его «родные» варианты и все еще, несмотря ни на что (на интернет), издаются книги, на передовых рубежах технауки борьба со словом и замена его дигитальной коммуникацией приближается к апогею. Путем лингво-комбинаторного моделирования решаются задачи исчисления смыслов, которые могли бы реализовываться на суперкомпьютерах. Информационно-сетевое общество трансформируется в состояние, «естественным» языком которого будет тот самый, искомый философскими «новаторами любой ценой», (не)язык, ~~язык~~, антиязык. Язык Artificial Intelligence (искусственного

интеллекта), готовящегося перерасти в Artificial Nature (искусственную природу), в искусственное бытие, для нас – инобытие. И тогда: «Естественно возникает вопрос, а может быть весь окружающий людей мир – это гигантский многомерный экран? Каким суперкомпьютером этот экран управляется? Получается следующая картина мира: люди со всеми своими инструментами – телескопами, микроскопами, ускорителями и пр. – окружены гигантским многомерным экраном, и всеми инструментами изучают не более чем свойства этого экрана, который управляется внешним суперкомпьютером. Это и есть компьютеризм» [Игнатъев, 2010, 183]. Короче говоря, теперь наш Бог Суперкомпьютер и – *there is nothing outside of the bit* (нет ничего кроме бита). Язык как и вся реальность – (у)биты!

Если бы люди были быками, иронизировали древнегреческие философы над верующими в мифы соплеменниками, то боги их мира были бы похожи на быков. С тех пор познание достигло не мыслимых древними высот и изощренности. Но все не впрок. Также прямолинейно, не боясь иронии, современные продвинутые теоретики конструируют реальность, похожую на свои занятия, экстраполируя ее на весь мир. Притом от века, *ab ovo*, совершенно забыв об историзме, об аксиологии – никаких сравнений, ценностей и оценок. Если техника сказала «будет», значит надо = хорошо. И всегда именно так хорошо было. Если ее дальнейшее нерегулируемое развитие ведет к трансформации или даже уничтожению человека и его языка, тоже неплохо: да здравствует трансгуманизм. Кому этого мало – читайте теоретиков, обосновывающих необходимость ликвидации жизни на Земле: поприветствуем «поствитализм». Теоретизируют как не (как) субъекты, просто «пишут», к чему и зачем не задумываясь. А кто против этого «прекрасного нового мира», те архаики, консерваторы, традиционалисты. Гуманисты. Живые люди.

Справедливости ради, нам надо сказать (пока языком), что некоторые «трансгрессивные» авторы задумываются о результатах влияния пост-языковой среды на человека. Чутко следящий за техническими достижениями российско-американский фило(соф)лог М. Эпштейн предвкушает время, когда «то, что традиционно понимается под субъектом, растворится в информационных потоках, в электронных сетях. Самоуправляемые компьютерные программы, как тютчевские «демоны глухие», будут вести беседу между собой. Нет ли прямой теоретической связи между грамматологией, исходящей из отсутствия человека в письме и футурологией самодействующих компьютерных программ? Грамматология, помноженная на мощь электронных и нано технологий, представляет человека как исчезающий субъект в грядущем мире машин письма» [Эпштейн, 2008]. Вот перспектива, если сущее приравнивать к должному, лишая человека минимальной возможности влияния на происходящее, не говоря о выборе и «свободе» (кавычки потому, что технонаучная философия от идеалов свободы человека категорически отреклась; вспоминать о ней – удел реaktionеров).

Исходя из закона неразрывной связи организма и среды, вместо человека можно предвидеть возникновение неких искусственных тех(су)ществ, живущих в мире, где «для общения» общение больше не нужно. Не нужна и коммуникация. Потому что она будет происходить без опосредования, «от мозга к мозгу», путем сканирования мыслей друг друга одним прикосновением чипа к нейронным сетям и всё, потеряв индивидуальность, сольется в некий мыслящий океан, в духе описанного Ст. Лемом в «Сталкере» или превратится в элементы WWG – единой Мировой решетки (матрицы), работа над которой ведется на переднем крае технонауки, в частности, в процессе совершенствования Адронного коллайдера. И/или «глухие демоны», т.е. самоуправляемые компьютерные программы будут беседовать друг с другом вообще «без мозгов». О чем, правда? Может о том, что столь восхваляемое в постмодернизме различие/различание по закону двойного отрицания в свою очередь сним(а)ется принципом тождества (единства), только уже иного, «слипшегося» в точку постчеловеческого мира. А лучше бы, продолжают мечтать совсем последовательные иммортологи, «поствиталяного». И философы трансгресса, его рефлекса, но не рефлексии, предав различие, опять будут воспевать тождество, радуясь, что безлюдно-бессмысловому

безжизненному миру больше ничего не нужно, даже коммуникации. Но пока это вожделенное инновационное состояние не достигнуто, обремененные проклятием собственного антропологизма некоторые из них пытаются что-то сохранить от человека. Не чуждый подобных пережитков вышеупомянутый автор предлагает интерпретировать грамматику как скрипторику, предмет которой «не столько биографический, эмпирический субъект, скрипящий пером или стучащий по клавишам, сколько те формы сверхсубъективности, транссубъективности, которые возникают в процессе письма и объемлют все его суверенные территории» [Эпштейн, 2008].

Как видим, в утешение человеку, которому, в связи с экспансией электронно-компьютерного мир-письма не остается места и он предстает исторически преходящим посредником между отмирающим языком и наступающей матрицей, постулируется какой-то более адекватный данной ситуации сверхэмпирический «транссубъект». В сущности, концепт. Бродящий(ая) по сетям персона-ж. Вместо традиционного *Homo sapiens* – *Homo scriptor*. Естественно, без языка, имени, не сознает, но пишет. Само-программирует-ся. Без жизни, идентичности, мультивид (о личности речи не идет, это традиционалистская архаика) и – обладает бессмертием, которое больше не утопия. Потому что «нече(ко)му» умирать. Ни тела, ни субъектности. Можно ли в таком качестве считать его Гомо? Это скорее, ~~гомо~~, транс-гомо, пропагандируемый в идеологии трансгу(о)анизма. Те же похороны человека, только в контексте лингвистики, посредством экзтаназии в теоретическом облачении.

Гете говорил: «Там, где кончается слово, начинается музыка». Увы, теперь матезис, программирование, молчаливая (не)коммуникация... И мы не будем знать, когда нас не будет. Не услышим.

Так не лучше ли, все-таки, умереть достойно, по-философски, не обманывая себя, отдавая отчет, как привело нас к этому вырвавшееся из-под контроля нерегулируемое научно-техническое развитие. Люди! Давайте уйдем мужественно, в памяти опыта и с пониманием печальных результатов своей без(д)умной веры в прогресс. В сознании, хотя бы в лице философии. В истории человечества было много великих смертей, начиная с Сократа и Христа, но в ситуации его родовой смерти стоит вспомнить артефакт Гамлета, его последние, обращенные к Горацио, слова: «Так ты ему (новому наследнику трона), скажи и всех событий открой причину. Дальше – тишина». (Умирает) [Шекспир, 1935, 413].

Еще более по-философски, пока это печальное событие не произошло, думать и заботиться, при каких условиях, какие предпринять действия, чтобы оно вообще не происходило. Как можно дольше! Не торопиться к рукотворному концу света, антропологическому апокалипсису, не камуфлировать учеными словами свое «комфортное самоубийство», что оскорбительно для существ, веками считавших себя разумными. Мы не торопимся к смерти в индивидуальной жизни и не радуемся ей, хотя она тоже предопределена. Сохранить *Homo genus-vitae-sapiens* можно, если сохранится среда, необходимая для его жизни как целостного телесно-духовного существа = *Lebenswelt*, включая естественный язык как выразителя собственно человеческого, о-со-знающего (не редуцированного к интеллекту) мышления. Его/их право на бытие и надо защищать, опираясь на идеи полионтизма и коэволюции, допускающие, в отличие от фаталистического универсального эволюционизма, вечное существование *нашей реализации* возможных миров. А если, в конце концов, наступит конец, чтобы не по собственной вине. Задача времени: всеми силами *культивировать Язык жизни, поднимать Голос, говорить Слово(а) и не бояться философии Крика*, призывающего к спасению человека, в надежде, что Кто-то нас услышит.

Философия сопротивления. Противостояния. А лучше вместе: СО-противостояния.

Так продлимся...

Примечания

¹ Разумеется, мы не намерены пересказывать историю книжного дела или содержание книги М. Маклюэна «Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего» М., 2005.

² Введенное постмодернизмом перечеркивание слов есть графическое выражение негативной семантики. Отрицание смысла слова, но такое, которое указывает на его генетическую связь с отрицаемым позитивом. Труп не человек, но не камень или дерево, а человек.

³ Различие и различание различаются как качественная, феноменологическая и количественная, когнитивная характеристика реальности (для помнящих, или рискующих знать марксизм: как потребительная и меновая стоимости товара).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж, Клод. Человек говорящий / Ажеж Клод. – М., 2003.
2. Блох, М.Я. Язык и мир. / М.Я. Блох // Вестник Российского философского общества. – 2011. – № 4.
3. Деррида, Ж. О грамматики. Перевод с франц. Н. Автономовой / Ж. Деррида. – М., ad Margi nem. 2000.
4. Игнатъев, М.Б. Кибернетическая картина мира / М.Б. Игнатъев. – СПб., 2010.
5. Кутырев, В.А. Крик о небытии / В.А. Кутырев // Вопросы философии. – 2007. – № 2.
6. Мартинес, Э.Л. Внесловесный язык. Средства массовой коммуникации и общество. / Э.Л. Мартинес // Культуры. Диалог народов мира. UNESCO. – 1986. – № 2.
7. Нилюгов, А.С. Философия – это сплошной ressentiment. Кто сегодня делает философию в России / А.С. Нилюгов. – М., 2007.
8. Шекспир, Вильям. Трагедия о Гамлете, Принце Датском (перевод М. Лозинского) / Шекспир Вильям. – М.,-Л., Academia, 1935.
9. Щедровицкий, Г.П. На досках. Публичные лекции Г.П. Щедровицкого / Г.П. Щедровицкий. – М., 2004.
10. Эпштейн, М. Homo scriptor: Введение в скрипторику как антропологию и персонологию письма. / М. Эпштейн // Электронный ресурс: Культура письменной речи. www.gramma.ru /RUS
11. Эрн, В. Борьба за Логос / В. Эрн. – М., 1911. Современное издание: Эрн Владимир Борьба за Логос. Г. Сковорода Жизнь и учения. – Минск-Москва. 2000.
12. Rorty, R. Nineteenth-Century Idealism and Twentieth-Century Textualism / R. Rorty. Consequence of Pragmatism. (Essays: 1972-1980). Minneapolis. 1991. Сталин И.В. К некоторым вопросам языкознания. – М., 1950. – Т. 16.

Материал поступил в редакцию 29.04.22

HUMAN LANGUAGE: VOICE, WORD, SILENCE

V.A. Kutyrev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Abstract. *The historical stages in the development of language: from speech and manuscripts, through print and text to the situation death of language (and) man as a letter-calculus. The last step can be considered as structural linguistic catastrophe. It is the rejection of language as a medium meaning and the transition to ontology of digital. The world is entering an era transmoderna. Progressive perspective of its development is a state of "sticking together" at one point. For preservation we needs of humanity and philosophy of a conservative turn of the resistance.*

Keywords: *language, conversation, word, people, print, text, letter, difference, grammatology, calculus, communication, digitalism.*

УДК 80

ЛАТИНСКИЕ КАЛЬКИ В НЕМЕЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Ф.Г. Салимова, доктор филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
Бакинский славянский университет, Азербайджан

Аннотация. В данной статье идет речь о латинских кальках в немецкой паремиологии.

Ключевые слова: лексика, калька, немецкий язык, латынь, афоризм.

Очень трудно определить, с каких времен появились самые первые пословицы и поговорки – эти достаточно выразительные, способные метко описать какое-либо происходящее явление фразы. Неоспорим лишь тот факт, что возникли они еще в давние времена и с тех пор стали спутниками человека на протяжении всей истории. С виду простое изречение потому и сумело сохранить себя на протяжении веков, что выражает единое мнение народа. За каждой пословицей может стоять определенный авторитет вековых поколений.

Древние римляне подарили миру дороги, мосты, философию, медицину. Но главное их богатство – это язык и афоризмы этого языка, которые впитали в себя всю мудрость веков. Изучение курса латинского языка на филологических факультетах преследует профессиональную цель – подготовить грамотного языковеда. Однако для усвоения любого языка необходимо повышать свой культурно-образовательный уровень, расширять кругозор. В этом отношении большую роль играют латинские афоризмы, изречения, выражающие обобщенную, законченную мысль.

Fortes fortuna juvat – «Смелым судьба помогает», *Non progredi est regredi* – «Не идти вперед – значит идти назад», *Omnia mea mecum porto* – «Все мое ношу с собой», *Festina lente* – «Торопись медленно». Эти и многие другие афоризмы, отдельные строчки, высказывания римских знаменитостей, античных писателей, философов, ораторов представляют немалый интерес и в современном мире. Большинство таких изречений стали крылатыми выражениями, они касаются жизни и смерти, здоровья и боли, подвигов и трусости. Но еще более интересно, когда встречаешь знакомые выражения на изучаемом языке, а именно, на немецком.

В данной статье речь пойдет о калькировании латинских афоризмов в немецком языке. Как мы уже говорили, афоризмы – это тоже своего рода паремии. Исходя из того, в какую эпоху жили и творили древние римляне, можно с легкостью сказать, что именно латинские афоризмы легли в основу многих немецких пословиц. Каждый раз, когда мы встречаемся с немецкими пословицами, на ум приходят латинские «крылатые слова». Калькирование здесь налицо. Рассмотрим некоторые примеры для более полной ясности.

1) *Non scholae sed vitae discimus* (1, 142) – *Nicht für die Schule, sondern fürs Leben lernen wir* – Не для школы, а для жизни мы учимся.

Данная цитата поэта Сенеки стала крылатым выражением, где автор критикует римские философские школы своего времени. В кальке мы видим, как дословно скопирован на немецкий язык весь афоризм. Отличие заключается лишь в наличии в немецком варианте личного местоимения *wir*. И это потому, что, как мы знаем, личные местоимения в латинском языке не использовались, а лицо указывали личные окончания глагола (в данном случае *mus* в слове *discimus*).

2) *Una hirundo non facit ver* – *Eine Schwalbe macht keinen Frühling* – Одна ласточка весны не делает.

И опять мы замечаем, как точно переданы на немецкий язык слова изречения, первоначальным вариантом которого является латинский, если не считать месторасположения отрицательного местоимения, которое в силу немецкой грамматики стоит перед существительным, а в силу латинской грамматики – перед глаголом.

3) *Si vis pacem, para bellum* – *Wenn du Frieden willst, bereite den Krieg vor* – Хочешь мира, готовься к войне.

Авторство этой латинской фразы приписывается древнеримскому историку Корнелию Непоту (99-24 года до н.э.). И опять немецкая грамматика берет свое: в предложениях с *wenn* (если) глагол находится в конце: *wenn willst*

4) *Divide et impera* – *Teile und herrsche* – Разделяй и властвуй.

Данная фраза восходит к «Римской истории» и приписывается римскому сенатору, который пропагандирует принцип государственной власти. Означает тактику создания, усиления и использования разногласий.

5) *Carpe diem* – *Nutze den Tag* – Лови день (Живи настоящим).

Впервые эта фраза встречается в «Оде к Левконое» Горация. Немцы перевели ее, как видим, буквально.

6) *Dum spiro, spero* – *Solange ich atme, hoffe ich* – Пока дышу, надеюсь.

Данный фразеологический оборот схож с русским «Надежда умирает последней». Впервые ее использовал Цицерон в «Письмах к Аттику». Отличает немецкий вариант только личные местоимения, которые не использовались в латыни.

7) *Epistula non erubescit* – *Der Brief errötet nicht* (*Papier ist geduldig*) – Письмо не краснеет.

Так же из письма Цицерона. Отрицание в немецком варианте расположено после глагола, а в латинском – перед глаголом.

8) *Finis coronat opus* – *Das Ende krönt das Werk* – Конец – делу венец.

Здесь, как требует грамматика немецкого языка, перед существительными используются артикли.

9) *Homo proponit, deus disponit* – *Der Mensch denkt, Gott lenkt* – Человек предполагает, Бог располагает.

Опять налицо буквальная калька, не считая артикля перед существительным *Mensch*.

10) *Medicus curat, natura sanat* – *Der Arzt hilft, die Natur heilt* – Врач лечит, природа исцеляет.

Это выражение относится Великому врачу античности Гиппократу. Существует и другой вариант перевода на немецкий язык: *Der Arzt behandelt, die Natur heilt*.

11) *Omnia vincit amor* – *Alles bezwingt die Liebe* – Любовь все побеждает.

Данное выражение мы находим в стихотворении Вергилия.

12) *Qualis rex, talis grex* – *Wie der König, so die Herde* – Каков царь, таково и общество (здесь: свита, толпа). Перевод буквален.

13) *Veni, vidi, vici* – *Ich kam, sah und siegte* – Пришел, увидел, победил.

Очень популярное латинское выражение, которое написал Юлий Цезарь в 47 году до н.э. другу Гаю Матию и тем самым уведомил его о быстрой и легкой победе над Фарнаком, сыном Митридата Понтийского. Данное выражение употребляется во многих современных языках.

14) *Vox populi, vox Dei* – *Volkes Stimme, Gottes Stimme* – Голос народа, голос Бога.

Авторство данного выражения приписывается Карлу Великому. В данной кальке существительные в латинском варианте стоят в родительном падеже, тогда как в немецкой трактовке на принадлежность указывает окончание существительных *s*.

15) *Dulce et decorum est pro patria mori* – *Süß und ehrenvoll ist, fürs Vaterland zu sterben* – Сладко и достойно умереть за Родину.

Это строфа римского поэта Горация из самого популярного стихотворения о суждении войн.

Таким образом, мы рассмотрели фразеологические единицы, которые и по своему значению, и по компонентному составу полностью совпадают с изречениями великих римлян. Сходства данных выражений объясняются одинаковыми и близкими представлениями, лежащими в основе фразеологического значения, общим источником или заимствованием из одного языка в другой, в данном случае, из латинского в немецкий, так как первоначальность латыни на виду.

Немецкий язык является одним из распространенных языков в мире. Письменность немецкого языка была создана на основе латинского алфавита. В немецком алфавите используется 26 пар латинских букв (строчные и прописные). Слово "deutsch" (Deutsch) [1, 29] является латинским новообразованием на основе германского слова "народ" (thioda, thiodisk) – оно обозначало язык народа, который не разговаривал на латыни. Уже здесь мы видим влияние латинского языка. Христианизация германцев способствовала распространению у них латинского письма и латинского алфавита, словарь обогащен латинской лексикой, связанной с христианским культом. Латинский язык ещё долго – как и в других европейских государствах – оставался языком науки, официально-деловым и книжным языком. Гигантская Франкская империя разделилась позднее на три части, что и было закреплено Верденским договором 843 г. Восточнофранкская империя, подобно другим осколкам великих империй, созданных завоеваниями, была многоплеменной, и осознание её жителями своего этнического и языкового единства пришло лишь в конце X – начале XI вв., т.е. к концу древнегерманского и началу среднегерманского периода, что впервые отразилось в Annolied (1080-1085), где слово diutisch послужило символом немецкой языковой общности.

Латинский язык относится к числу так называемых мертвых языков, но в истории мировой цивилизации влияние его сохраняется и по сей день. Целью нашей работы было показать, как латынь повлияла на становление и развитие немецкого языка, а также найти сходства в немецкой и латинской паремиологии. А проведенный сопоставительный анализ латинских афоризмов позволил с уверенностью сказать о тесной связи языка и культуры римлян и германцев. Отсюда сделаем вывод, что каждый язык имеет свою картину мира. Исследуемые нами паремии ассоциируются с картиной мира, давая им оценку и выражая отношение. И поскольку паремиология выделяется своими функциями в языке и речи, она требует особого подхода в процессе лингвокультурологического изучения различных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, И.Ф. Фразеология и Паремеиология. Изд. Флинта / И.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М., 2009. – 344 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – Изд.3-е / О.С. Ахманова. – М.: Комкнига, 2005. – 571 с.
3. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология. Лексикография / В.В. Виноградов. – М., Изд. – Наука 1977. – 318 с.
4. Графкова, Т.С. Словообразовательное калькирование заимствованных слов с конфиксом как источник синонимии в немецком языке. / Т.С. Графкова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия филология 2011, Изд.3-е. – Том 1.
5. Ярхо, В.Н. Учебник латинского языка / В.Н. Ярхо, В.И. Лобода. – Москва, 1969. – 384 с.
6. Donalies, E. Das Konfix. Zur Definition einer zentralen Einheit der deutschen Wortbildung // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. – Berlin, 2000.
7. Fleisher, W. Barzi. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache 1995, 382 s.
8. Riecke, Jörg. Geschichte der deutschen Sprache. Philipp Reclam jun. GmbH & Co. KG, Stuttgart 2016, 278 S.
9. <http://de.wikipedia.org>

Материал поступил в редакцию 08.04.22

LATIN LOAN TRANSLATION IN GERMAN PAREMIOLOGY

F.G. Salimova, Doctor of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of German Philology
Baku Slavic University, Azerbaijan

Abstract. *In this article we are talking about Latin tracing papers in German paremiology.*

Keywords: *lexis, loan translation, the German language, Latin, aphorism.*

УДК 811.133.1+372.016

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И В ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Р.И. Телешова, кандидат филологических наук,
доктор наук Тулонского университета (Франция),
заведующая кафедрой романо-германских языков
Новосибирский государственный педагогический университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению механизма межкультурного диалога на материале произведений Анри Труайя. В работе сформулированы лингвостилистические особенности произведений А. Труайя. Теория диалогичности М.М. Бахтина используется в качестве основной методологической базы исследования творчества А. Труайя. Анализируется роль писателя как посредника между культурами Франции и России. Способность выступать в качестве медиатора родной и иной культур является одним из критериев развития и сформированности межкультурной компетенции. Актуальность и новизна работы состоит как в выявлении реализации межкультурного диалога в структуре художественного текста, так и в обосновании использования выявляемых лингвостилистических особенностей писателя в практике преподавания французского языка для осуществления эффективного межкультурного общения с соблюдением культурных ценностей изучаемых культур.*

***Ключевые слова:** Анри Труайя, межкультурный диалог, художественный текст, межкультурная компетенция, французский язык.*

Целью нашего исследования является выявление использования механизма диалога культур в художественном произведении и в практике преподавания французского языка на факультете иностранных языков.

Первая часть нашей статьи посвящена манифестации диалога культур в произведениях Анри Труайя. Во второй части делается попытка обоснования использования диалога культур в формировании общекультурных компетенций на занятиях по французскому языку в университете.

Теория диалогичности М.М. Бахтина [2], утверждающего, что в основе всякого искусства лежит принцип диалога, вдохновляет многочисленных отечественных и зарубежных исследователей-филологов и преподавателей-методистов по диалоговой культуре. Произведения Анри Труайя представляют диалог писателя не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой России. Безусловно глубина понимания текста, в частности, внутренних диалогов героев зависит от уровня подготовленности читателя-реципиента.

Творчество А. Труайя, современного французского писателя, насыщенного смешением русской и французской культур, представляет для преподавателей-исследователей и обучающихся обширную сферу любопытных лингвометодических поисков и находок. По мнению французского критика Р.М. Альбереса, творчество А. Труайя, занимающее особое место во французской литературе, представляет мощную франко-русскую симфонию для двух хоров и сердец, симфонию для двух оркестров: *L'œuvre de Troyat est une chronique à deux chœurs (et à deux cœurs), une symphonie pour deux orchestres* [9, с. 8].

На протяжении всей своей жизни А. Труайя перемежает с удивительной ритмичностью произведения французской и русской направленности. В адресованной нам дарственной надписи к роману «La Fille de l'écrivain» А. Труайя напишет, что в этом романе нет ничего русского, кроме сокровенной мысли писателя: *Ce roman dans lequel il n'y a plus rien de russe..., sauf, peut-être, la pensée secrète de l'écrivain* [13].

Писатель часто подчеркивает расплывчатость границ мира персонажей, наделенных билингвизмом и разделяющих разные культурные ценности. Герои, как и сам писатель, сравниваются часто с деревьями, корни которых произрастают по краям одного сада, а ветви вытягиваются и затевают другой участок. Интерпретация поэтического образа франко-русского мира отражается в диалогических репликах французов, проживших долгое время в России. Разделительные границы между странами существуют в сознании географов и стираются в сознании отдельных людей, разделяющих принадлежность к двум странам. Приведем отрывок для иллюстрации:

– *Avez-vous observé les arbres qui croissent en bordure des jardins? Si leurs racines les fixent d'un côté de la clôture, leurs rameaux, bien souvent, s'étendent de l'autre côté. Il y a des êtres qui sont ainsi : nés sur une terre, ils apportent leur ombrage à la terre du voisin. La France n'est pas voisine de la Russie !*

– *Pour un géographe, non. Pour un historien, plus que vous ne le croyez !* [15, p. 170].

Явление диалога культур в жизни и творчестве А. Труайя, а также роль писателя как медиатора между разными культурами отмечается отечественными [6, 7] и зарубежными исследователями [9, 12]. Постоянное и непрерывное взаимное влияние двух культурных миров, русского и французского, в сознании двуязычного писателя объясняет тот факт, что А. Труайя с большим удовольствием включает в структуру французских произведений русские цитаты и реминисценции. Выявляем также рекуррентные эксплицитные и имплицитные вкрапления русизмов в структуру французского художественного текста. Отмеченные особенности являются формой репрезентации русскости и русского мира, реализуя функцию создания образа России.

Персонажи Труайя цитируют строки из произведений Михаила Ломоносова, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова в моменты душевных переживаний. Отмечаем преобладание пушкинских цитат и реминисценций. Эта особенность объясняет личным пристрастием писателя, а также отсутствием перевода на французский язык полного собрания сочинений А. Пушкина. Автор наделяет поэтические цитаты той же функцией, которую играет поэзия в жизни самого писателя. Борис Данов, один из героев трилогии «Tant que la Terre durera», желая освободиться от неприятного чувства, испытываемого во время наложения ареста на мебель в своей французской квартире по поводу неуплаты долгов, испытывает непреодолимое желание поговорить на русском языке. Он вспоминает свое любимое пушкинское стихотворение «Бесы». А. Труайя, цитируя стихотворение А. Пушкина, упоминает лишь имя русского поэта и не дает название его стихотворения.

Les nuages courent et tournent

Une lune invisible éclaire,

Les flocons de neige volante [16, p. 408].

Игорь Дмитриевич Лебедев, герой одного из последних романов А. Труайя, вспоминая свою счастливую жизнь в дореволюционной России, силится вспомнить строки из «Евгения Онегина»: *Il butait sur un vers d' «Eugène Onéguine». Comment est-ce après : C'est l'hiver, le moujik se rejouit...[14, p. 253]* Пушкинская строка (*Зима!... Крестьянин, торжествуя...*) возвращает Лебедева в то счастливое время, когда была жива его супруга, знавшая пушкинскую поэму наизусть и рассказывающая ее на семейных празднествах.

Выявляемые нами реминисценции отсылают нас также к произведениям Александра Пушкина. Так, читатели-реципиенты слышат запахи русских церквей (*une odeur d'encens, cette odeur douceâtre, orientale*), русского дома (*une odeur subtile*), русской кухни (*une odeur du plat russe venue de quelque lointaine cuisine*). Лексемы *odeur, air, parfum* являются значимыми в

русских описаниях французского романиста. Прощальный вечер семьи Дановых накануне их отъезда из России длится до утра. Дети перевозбуждены и не могут заснуть. Константин Кириллович допускает все детские вольности и даже приговаривает: *Qu'ils écoutent les rumeurs de la maison, qu'ils regardent tous les meubles, qu'ils reniflent toutes les odeurs, qu'ils palpent tous les objets, parce que plus jamais, plus jamais, ils ne connaîtront pas cela* [16, p. 749]. Константин Кириллович желает, чтобы детская память запечатлела все домашние предметы и запахи.

Выше приведенные примеры подтверждают наглядно, что в своём рабочем кабинете А. Труайя находится под впечатлением и властью знаменитой пушкинской фразы из поэмы «Руслан и Людмила»: «Там чудеса... Там Русью пахнет». Удивительно, что Труайя произнесет эту знаменитую пушкинскую фразу во время нашей встречи, в ходе которой я сообщила тему нашего научного исследования [8].

Результаты нашего лингвостилистического анализа подтвердят позже Элен Каррер д'Анкос [10] и Морис Дрюон [11], члены Французской академии, отметившие также своеобразие стиля А. Труайя, соединившим в своем сознании и творчестве ценности России и Франции и две великие культуры. Ясность, простота, образность, легкость характеризуют, по мнению М. Дрюона, художественный стиль А. Труайя: «*Et tu auras illustré la langue française par ton style clair, simple, imagé, coulant et scintillant comme un fleuve au soleil. Un style à la Maupassant, qui est celui du français éternel*» [11, p. 35].

Увлекательный диалог русской и французской культур, реализуемый в сознании писателя и его персонажей, служит гармонично интересам студентов, изучающих французский язык на языковых факультетах. Произведения А. Труайя являются обязательным дидактическим материалом во французских университетах на факультетах филологической направленности. Рекомендуем использовать произведения А. Труайя на занятиях по индивидуальному чтению, интерпретации художественных текстов и для проведения различных конкурсов в рамках формирования и совершенствования научной деятельности языковых факультетов [1].

Обозначим ниже отдельные виды заданий на занятиях по французскому языку. Для достижения конечной цели занятий по каждой теме (адекватное понимание текста и смысловая и стилистическая интерпретация текста на иностранном языке в устной или письменной форме) работа над каждым отрывком из произведения ведется в несколько этапов: подготовка сообщения о творческой биографии писателя и изучаемом литературном произведении; перевод текста и составление словаря новых слов и выражений; изучение лексики и составление лексико-семантических полей; выборка примеров основных стилистических приемов; выполнение послетекстовых заданий и ответы на вопросы по содержанию; выполнение краткого и развернутого пересказа текста (устно или письменно). Студентам предлагаются также различного вида упражнения на определение основных идей текста, поиск и сопоставления выразительных средств и стилистических приёмов.

Виды конкурсных заданий могут включать задания на перевод отдельных фрагментов доступных романов писателя, а также написание исследовательских эссе на французском языке с очерченными заранее критериями оценивания. Тематика эссе может включать проблематику тех или иных произведений писателя (*La Russie intérieure du romancier, Le rôle de la famille dans la vie et l'œuvre de l'écrivain, L'esprit et le cœur des personnages d' Henri Troyat partagés entre la France et la Russie, Le thème de la double patrie et de l'absurdité des frontières, «Le monde-frontière» et les apatrides, La colonie russe en France à travers les œuvres de l'écrivain, L'emploi du vocabulaire «exilé», «naufagé», «étranger», Le biculturalisme des passions littéraires de l'écrivain*). Перевод с французского на русский, а также написание эссе могут быть контрольными точками при проведении промежуточной аттестации по индивидуальному чтению со студентами различного уровня подготовки.

В данной статье межкультурный диалог на занятиях по иностранному языку рассматривается как подход, состоящий в выявлении особенностей мышления народа путем

сопоставления специфики языковых единиц, художественных произведений, принадлежащих культурам тех или иных стран [7].

«В процессе сопоставления фактов и явлений в национальных культурах родного и неродного языков» имеет место формирование и развитие межкультурной/социокультурной компетенции [4]. В рамках межкультурного диалога сталкиваемся со множеством проблем, связанных с обеспечением адекватной передачи смысла в общении с носителями разных культур и обладателями различных общечеловеческих ценностей. Разделяем мнение Е.Г. Таревой о важности освоения обучающимися «обеих культурных данностей», родной культуры и культуры изучаемого языка, «в их равнозначном статусе, в их взаимном пересечении и интеграции» в рамках межкультурной образовательной идеологии [5, с. 561].

Вдумчивое прочтение целого текста/отдельных текстовых фрагментов, осмысление идейно-эстетической ценности, умение создавать собственный текст (устный или письменный) на этой основе способствует обеспечению ситуации межкультурного общения. Анализируя фрагменты произведений, содержащие описания русско-французских параллелей (русский дом/французский дом, русская кухня/французская кухня, русский язык/французский язык, православный собор/католический собор), выявляем многочисленные различия между русской и французской культурами. Использование отрывков из произведений писателей-билингвов на занятиях по французскому языку способствует ассимиляции ценностей изучаемых культур, а также помогает нивелированию межкультурных барьеров, связанных с незнанием определенных норм поведения в ином культурно-языковом пространстве.

Русские люди, находясь во Франции, или французы, живущие в России, призваны играть роль медиаторов между французской и русской культурой. Способность выступать в качестве посредника межкультурного общения является одним из критериев сформированности межкультурной компетенции. Наше исследование межкультурного диалога в творчестве Анри Труайя является первым исследованием в этом направлении [8], поэтому для нас важна оценка писателя, выявленная нами в одном из парижских изданий: «*A ma grande surprise, l'intérêt des lecteurs russes à l'égard de mes ouvrages publiés en français, mais souvent consacrés à la Russie... Il est très important pour moi de savoir qu'au fond de la Sibérie, les élèves de Mme Telechova me considèrent comme un partisan du rapprochement de la culture russe et de la culture française*» [12, с. 170]. Приведенная цитата убеждает в правильности выбранной нами теории диалогизма для анализа произведений А. Труайя. Как структура межкультурного диалога, так и степень развития /сформированности межкультурной компетенции расширяются в зависимости от уровня владения иностранным языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Ж.М. Конкурсные мероприятия – актуальная задача университетской научной деятельности / Ж.М. Арутюнова, Е.Б. Савельева // Лингвистические, методические и социокультурные аспекты изучения и преподавания иностранных языков. Сборник итоговых материалов всероссийской научно-практической очно-заочной конференции / Под редакцией Е.Б. Савельевой, Е.Г. Котовой. – 2019. – С. 31-38.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Дубнякова, О.А. Образ России в произведении Анри Труайя «Алеша» / О.А. Дубнякова, В.Д. Тихомирова // *Crede Experto*: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – № 1. – С. 142-149.
4. Сафонова, В.В. Лингвокультурная языковая педагогика: спорные и бесспорные вопросы развития личности человека средствами соизучаемых языков / В.В. Сафонова // *Иностр. языки в школе*. – 2020. – № 11. – С. 4-12.

5. Тарева, Е.Г. Межкультурная образовательная идеология в эпоху геополитических трансформаций / Е.Г. Тарева // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции / Под общей редакцией Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – 2016. – С. 558-562.

6. Телешова, Р.И. Диалог Франции и России во французской литературе / Р.И. Телешова, О.А. Дубнякова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – №.4. – С.223-237. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1704.15>

7. Телешова, Р.И. Обучение французскому языку в высшей школе через культурно-ориентированную деятельность / Р.И. Телешова, Г.В. Курак, И.В. Микута // Иностр. языки в школе. – 2019. – № 7. – С. 42-49.

8. Telechova, R.I. Frontières et rêveries des origines dans l'œuvre d'Henri Troyat. [Electronic resource]. Available at: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00149220/>.

9. Albères, R.M. Le Roman d'aujourd'hui 1960–1970. Paris: Albin Michel, 1970. – 182 p.

10. Carrère d'Encausse, H. Le français dans tous ses états. Paris: Académie Française, 2004. – 31 p.

11. Druon, M. Henri Troyat // Le Monde. – № 19318, 2007. – P. 35.

12. Gazarian-Gautier, M.L. Un Artisan de plume. Paris: Editions des écrivains, 2003. – 193 p.

13. Troyat, H. La Fille de l'écrivain. Paris: Grasset, 2001. – 187 p.

14. Troyat, H. Le bruit solitaire du cœur. Paris: Editions J'ai lu, 1996. – 155 p.

15. Troyat, H. Le Moscovite. Paris: Editions J'ai lu, 1997. – 334 p.

16. Troyat, H. Tant que la Terre durera. Etrangers sur la terre. Toulouse : Table Ronde. – 848 p.

REFERENCES

1. Arutyunova Zh.M., Savelyeva, E.B. Competitive events – an urgent task of university scientific activity // Linguistic, methodological and socio-cultural aspects of studying and teaching foreign languages. Collection of final materials of the All-Russian scientific and practical part-time conference / Edited by E.B. Savelye-voy, E.G. Kotova. – 2019. – S. 31-38.

2. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years. – M.: Fiction, 1975. – 504 p.

3. Dubnyakova O.A., Tikhomirova, V.D. The image of Russia in the work of Henri Troyat "Alyosha" // Crede Experto: transport, society, education, language. – 2019. – No. 1. – P. 142–149.

4. Safonova V.V. Linguistic and cultural language pedagogy: controversial and indisputable issues of human personality development by means of co-studied languages // Inostr. languages at school. – 2020. – No. 11. – P. 4-12.

5. Tareva E.G. Intercultural educational ideology in the era of geopolitical transformations // Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: In Search of Advanced Socio-Humanitarian Practices. Proceedings of the First International Conference / Under the general editorship of E.G. Tareva, L.G. Vikulova. – 2016. – S. 558–562.

6. Teleshova R.I., Dubnyakova, O.A. Dialogue between France and Russia in French Literature // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. – 2017. – No. 4. – P.223–237. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1704.15>

7. Teleshova R. I., Kurak, G. V., Mikuta, I. V. Teaching French in higher education through culturally oriented activities // Inostr. languages at school. – 2019. – No. 7. – P. 42–49.

8. Telechova R.I. Borders and dreams of origins in the work of Henri Troyat. [Electronic resources]. URL: <http://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00149220/>

9. Albères R.M. The Novel of Today 1960–1970. Paris: Albin Michel, 1970. – 182 p. 10. Carrère d'Encausse, H. French in all its forms. Paris: French Academy, 2004. – 31 p.

10. Carrère d'Encausse, H. Le français dans tous ses états. Paris: Académie Française, 2004. – 31 p.

11. Druon Mr. Henri Troyat // Le Monde. – № 19318, 2007. – P. 35.

12. Gazarian-Gautier M.L. Un Artisan de plume. Paris: Writers Editions, 2003. – 193 p.

13. Troyat H. The Writer's Daughter. Paris: Grasset, 2001. – 187 p.

14. Troyat H. The lonely sound of the heart. Paris: Editions I read, 1996. – 155 p.

15. Troyat H. The Muscovite. Paris: Editions I read, 1997. – 334 p.

16. Troyat H. As long as the Earth lasts. Strangers on earth. Toulouse: Round Table. – 848 p.

Материал поступил в редакцию 06.05.22

INTERCULTURAL DIALOGUE IN A LITERARY TEXT AND IN TEACHING FRENCH

R.I. Teleshova, Candidate of Philological Sciences, PhD of University of Toulon (France),
Head of the Department of Romano-Germanic Languages
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

***Abstract.** The article is devoted to identifying the mechanism of intercultural dialogue on the material of Henri Troyat. In the work of formulates the linguity literal features of the works of A. Troyat. The theory of dialogic M.M. Bakhtin is used as the main methodological base of the research of creativity A. Troyat. The role of the writer as an intermediary between the cultures of France and Russia is analyzed. The ability to act as a mediator of native and other crops is one of the criteria for the development and formation of intercalround competence. The relevance and novelty of work consists in identifying the implementation of the intercultural dialogue in the structure of the artistic text and in the substantive of the use of the detected linguistic features of the writer in Praktick of French teaching for the implementation of effective intercultural communication in compliance with the cultural values of consistent cultures.*

***Keywords:** Henri Troyat, intercultural culture, artistic text, intercultural competence, French.*

УДК 81.42

**ТУРИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ****Л.П. Шишкина¹, О.Д. Козлова²**¹ кандидат педагогических наук, ^{1,2} доцент,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена дискурсивным аспектам освоения культур, в частности, такой его составляющей, как травелог. Цель исследования – раскрыть содержание понятий «туристический дискурс» и «дискурс травелога» в лингвистическом аспекте. Описываются языковые средства выражения двух разновидностей дискурса с целью выявления их сходства и различия на материале художественного и рекламного текстов. В результате определено, что дискурс травелога, в отличие от туристического дискурса, может выражать национальную и культурную идентичность, а также репрезентировать языковую картину мира.*

***Ключевые слова:** дискурс, туристический дискурс, дискурс травелога, тип дискурса, лингвистика текста, языковая картина мира.*

«Гибель дистанции», о которой писал еще в 90-е годы XX века британский социолог Джон Урри [11], сегодня привела к максимальному сжатию времени и пространства. Телесные путешествия, сочетаясь с виртуальными, делают все более насущной проблему изучения изменения языка и сознания путешествующего человека. Исследования, связанные с проблематикой туризма и туристического дискурса, проводились в разных областях гуманитарного знания. В аспекте концептологии известны работы А.А. Беляковой [1], Е.А. Бобровой [2], Ю.В. Ралдугиной [8], Е.М. Шевченко [13]. Жанровые характеристики литературы путешествий рассматривали О.Н. Кулишкина [6], А. Сорочан [10], О.Ф. Русакова и В.М. Русаков [9]. Осмысление туризма в аспекте лингвокультурологии и философии предприняты В.В. Красных [5], В.Г. Фельде [12], О.Ю. Мининой [7]. Однако дискурс данной сферы как лингвистический феномен до сих пор не исследовался основательно.

В литературе, посвященной проблематике туризма, различают понятия туристический дискурс и дискурс травелога. В качестве определения институционального дискурса в сфере туризма принимается термин «туристический дискурс», под которым понимается речь, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма. Туристический дискурс – особый подвид рекламного дискурса, объединяющий различные виды рекламы туризма и нацеленный на позиционирование и продвижение туристических услуг с помощью стратегий аргументации, которые имеют лингвокогнитивный характер. Важнейшая интенция туристского дискурса – повышение привлекательности туризма и продвижение туристских услуг – реализуется через «предельно положительную аттракцию» [11, с. 54].

В отличие от туристического дискурса понятие дискурс травелога трактуется чрезвычайно широко. Чаще всего его определяют как рассказ о путешествии [9; 11]; как набор выражений, слов и образов поведения, особенных туристических структур и

деятельностей, которые описывают место и его жителей. Как «креативно-практическую деятельность субъекта или автора, направленную на организацию и проведение работ по сбору, изучению и репрезентации новых данных об объектах действительности» [9, с. 2]. Дискурс травелога может являться важным элементом при создании художественных образов городов-мифов в случае, когда автор описывает образы, символы и ассоциации, характеризующие определенное место [11, с. 265].

Травелог представляет собой воплощение авторского замысла. Он может описывать как межкультурную коммуникацию: взаимоотношения людей, столкновение картин мира и моделей поведения, и вызванную этим столкновением ситуацию культурного и языкового шока, так и сами путешествия. Литературные травелоги обычно содержат связное повествование и красочные описания, а не только даты и события, которые можно найти в туристических или судовых журналах.

Можно сказать, что дискурс травелога – это сумма речевых произведений в определенном паралингвистическом контексте – контексте туристической деятельности, которые создают образы мест, культурных стереотипов при использовании различных языковых средств, позволяющих познать другую языковую и национальную картины мира через их сравнение. Дискурс травелога обладает своими адресатом, адресантом и целью коммуникации.

Занимая пространство между фактом и вымыслом, травелог обнажает культурные установки и позволяет окунуться в мир другой национальной культуры, прежде всего, через языковую картину мира. Дискурс травелога обладает своими отличительными чертами, вот почему можно говорить о его уникальности и отличии от туристического дискурса.

Сравним туристический дискурс и дискурс травелога по основным параметрам: адресант, адресат, тип дискурса, лингвистика текста на материале Путеводителя по Северной Италии издательства «Томас Кук» [4] и книги Джеффа Дайера «Влюбиться в Венеции, умереть в Варанаси» в переводе с английского А.Г. Осипова [3].

Туристический дискурс:

1. Адресант – туроператоры, турагенты, составители текстов, экскурсоводы, рестораторы, преподаватели.

2. Адресат – конкретный, т.е. туристы, экскурсанты, потенциальные клиенты.

Базовой парой общения в туристическом дискурсе являются туроператор (турагент) и клиент (потенциальный турист).

3. Тип дискурса – институциональный.

Представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты).

4. Лингвистика текста

Туристический дискурс представляет собой текст, выстроенный по правилам, связанным с обеспечением коммуникации. Он определяется, во-первых, системой отношений, складывающейся в рамках институционального дискурса. Отсюда наличие коммуникативных клише, которые являются своеобразными ключами для понимания всей системы отношений в соответствующем институте. Во-вторых, формой подачи информации. В туристическом дискурсе предполагается наличие презентативной информации, опирающейся на факты, но имеющей определенный «глянец», связанный с целью продажи услуги.

На фонетическом уровне – частотные использования аллитерации, ассонанса, рифмы, иноязычных инкрустаций. Эти приемы хорошо зарекомендовали себя в риторической практике и приносят в текст «настроение», «голос» и атмосферу культуры. Примером иностранных вкраплений в текст могут служить названия фестивалей и праздников, национальных блюд и широко известных туристических мест: «Festa del Naviglio», «Festa del

Caroccio», «Festa del Immacolata». В сочетании с названиями на русском – «Фестиваль делла Канцоне Италиана» или «Фестиваль в Вероне» [4, с. 18-19] – иноязычные инкрустации выполняют коммуникативную функцию и придают определенный национальный колорит тексту.

На лексическом уровне – употребление слов с эмоционально-оценочными коннотациями, которые служат положительному восприятию рекламируемого продукта; использование оценочных прилагательных, степеней сравнения прилагательных, сленга, сокращенных форм, метафор и гипербол. «Истинное наслаждение», «величественные амфитеатры», «тенистые парковые аллеи», «прекрасные озера», «живописный рыбацкий городок» [Там же, с. 4-5]. Приведенные словосочетания выполняют функцию коммуникативных клише и с помощью оценочных прилагательных создают привлекательный туристический образ. «Стильная, неоднозначная, соблазнительная и будоражащая воображение – такова Северная Италия» [Там же, с. 22]. Используется оптимальная форма убеждения, характерная для риторики: «Приготовьтесь увидеть самые поразительные вещи дворца...», «самое лучшее, что можно сделать в вечернее время, находясь на площади Сан-Марко, это выпить стаканчик-другой аперитива...» [Там же, с. 92-93]. Широко используются топонимы – названия областей, мест, регионов.

На синтаксическом уровне – инверсия, восклицательные предложения, риторические вопросы, форма «вопрос-ответ», лаконичность. «Но что действительно делает север Италии таким уникальным, так это различие во взглядах и образе жизни людей...» [Там же, с.4]. Отмечается частое использование слов с семантикой движения, преобладает использование форм настоящего времени, коммуникативный синтаксис. «Помните об этом, когда путешествуете по северу Италии, и постарайтесь разделить с местными жителями их убеждения!» [Там же, с.5]. Риторическое обращение в этой фразе выполняет прямую коммуникативную функцию, а использование формы настоящего времени задает контекст непосредственного разговора – дискурса. «Ничего лишнего. Только вы и Северная Италия!» [Там же, с.178].

В целом, можно отметить, что туристический дискурс характеризуется этнокультурной спецификой и экстралингвистическими факторами, что позволяет охарактеризовать его как модель общения, осуществляемого вербальными устными и письменными средствами, а вербальный текст – как единицу такого общения.

Дискурс травелога:

1. Адресант – автор травелога, в данном случае, Джефф Дайер.
2. Адресат – идеальный (вымышленный) адресат, являющийся посредником между автором и реальным адресатом, и реальный адресат (читатель). Образ адресата объективируется, предельно обобщается, обретая черты литературного персонажа-собеседника, к которому посредством художественной условности обращено повествование.
3. Тип дискурса – бытийный.

В этом типе дискурса предполагается попытка автора сквозь призму частного опыта показать некие общечеловеческие универсалии. Коммуникация адресант-адресат носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер. Бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы, философскими и психологическими текстами, к которым можно отнести и текст литературного травелога. Опора на активное осмысление содержания речи со стороны адресата.

4. Лингвистика текста.

Травелог представляет собой особый вид созданного автором автономного мира, который может быть описан с точки зрения пространства, времени и событий так же, как и реальный мир. В дискурсе травелога необходимо наличие обязательных документальных элементов, хотя и не в таком объеме, как, например, в научном дискурсе. Так, документальность повествованию Джеффа Дайера добавляет упоминание о вторжении в

Ирак в 2003 г., имена реальных персонажей того времени – английского журналиста Паксмана или президента Саддама.

На фонетическом уровне Джефф Дайер часто использует иноязычные инкрустации: *Risotto, canapé, biennale, piazza, San Marco, Assi ghat* [3], которые позволяют обыграть категории «свое-чужое», тем самым обогатив текст передачей колорита описываемого пространства.

На лексическом уровне можно заметить использование нестандартных авторских эпитетов, катахрезы, сочетания семантически принципиально несопрягаемых слов: «по воде плыло несколько бензиновых радуг», «мимо протарахтело водное такси», «река разложения» [Там же, с.236]. На примере работы с языком Д. Дайера, можно сказать, что дискурс травелога отличается частотным использованием лексических средств, которые передают уникальность культуры и языковой идентичности носителей языка. Лексика представляет собой обширное поле для исследования, поскольку формирует концепты, необходимые для осознания языковой и национальной картин мира.

Обратившись к синтаксическому уровню текста Дайера можно заметить разнообразие форм предложений; использование риторических вопросов, формы «вопрос-ответ». Так, монолог героя Дайера может незаметно переходить в диалог с самим собой или полилог, когда подключаются его воспоминания и звучат голоса его прошлой жизни. «Сколько ей было? Семнадцать? Восемнадцать?» [Там же, с. 16].

Повествование в туристическом дискурсе ведется от лица, предоставляющего услуги, и чаще являет собой монологичное высказывание, что связано с прагматической направленностью текста. А в дискурсе травелога – от лица героя-путешественника, к голосу которого могут подключаться голоса улицы, местных жителей, рассказы случайных попугачиков или прохожих, сюжеты мифов или сказаний, рассказанных автору. Чередование эпизодов авторского повествования имеют функционально-речевую принадлежность и задают полифонизм звучанию текста. Автор воспроизводит социальную характерность жизни в ее индивидуальном облике, т.е. художественной образности. Образы мест всегда выступают перед читателем с познавательной и эстетической стороны. С этим связано эмоциональное воздействие текста, позволяющее адресату неоднократно перечитывать его.

Целью дискурса травелога является создание ярких топонимических образов. Так, например, Джефф Дайер создает достаточно полный и одновременно персонифицированный образ Венеции через призму своего главного персонажа. Джефф Атман – журналист, профессионально владеющий слогом. Листая один из туристических справочников по Венеции (в тексте упоминается книга М. Маккарти «Гид по Венеции» как один из вариантов «туристических стандартов»), Джефф Атман отмечает «щедрое издание тернеровских видов города. Все они были полны света, который растворялся сам в себе, – воды и света, сливавшихся в экстазе» [3, с. 121]. В рамках художественного дискурса как бы сталкиваются два нарратива – туристический и дискурс травелога. Автор подчеркивает разницу между открыточной Венецией и Венецией без антуража, увиденной глазами его персонажа. «Хотя город узнавался с первого взгляда, сама идея невещественной Венеции – блистающего растворения воды и света, обращения всего в воздух, в танец струй – жестко противоречила реальным впечатлениям Джеффа. Больше всего его поразило в Венеции как раз то, что она была вещественной» [Там же, с. 121]. На протяжении всего повествования автор подчеркивает эту вещественность города, не имеющую ничего общего с Венецией, представляемой в туристическом дискурсе: «Город безропотно пекся в безветренном зное» [Там же, с. 157].

Туристический дискурс и дискурс травелога имеют сходство в определенных параметрах, но обладают и существенными различиями. Конечно, одним из главных и очевидных отличий является тип дискурса. Соответственно, меняется характер отношений внутри дискурса и ритуал проведения межкультурной коммуникации. Но наиболее важным различием двух дискурсов является то, что туристический дискурс направлен на содержание

и на цель, а именно привлечь клиентов, заинтересовать их своим товаром и успешно его продать, все стратегии направлены на эту цель, а потому язык в туристическом дискурсе является средством коммуникации, средством достижения главной цели. Язык является вспомогательным средством, он вторичен.

Что касается дискурса травелога, то его основной целью является создание образов, следовательно, язык в данном случае не только средство, которое осуществляет коммуникацию, но еще и предмет изображения, то есть со всей очевидностью является сам по себе одной из целей высказывания. Фокусом дискурса травелога является язык и зачастую его преобразование. Установка на «код» становится одной из главных характеристик дискурса травелога, и именно эта характеристика выделяет данный дискурс из всех, которые относятся тем или иным образом к туризму.

В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне. В бытийном дискурсе – в художественном тексте – смысловая свобода языкового знака обеспечивается различными способами. Как автор, так и читатель готовы к тому, что изображаемая действительность имеет личностную окраску. Иначе говоря, важно не то, что сообщается, а то, как это сообщает автор. Отсюда и установки на возможный отход от фактуальности и поиск новых средств выражения. В процессе создания дискурса травелога авторы активно пользуются всеми языковыми ресурсами: эмоционально окрашенной лексикой, лексическими группами и семантическими полями с целью передать индивидуально увиденный колорит той или иной местности, метафорами и олицетворениями для придания тексту художественной образности.

Таким образом, рассмотрев дискурс травелога и туристический дискурс на материале двух текстов, можно сделать следующие выводы. Посвященные одной теме, дискурс травелога и туристический дискурс существенно различаются. Туристический дискурс отвечает разнообразным прагматическим запросам. Рациональный характер этого вида дискурса проявляется в том, что в нем обычно содержатся полезные для туриста сведения, включающие не только справочную информацию, но и своего рода путеводитель, содержание которого программирует адресата на осуществление заданных действий: куда сходить, что посмотреть, что привезти. Максимум услуг и максимум необходимых туристу сведений – так можно охарактеризовать туристический дискурс на коммуникативно-прагматическом уровне.

Дискурс травелога направлен на работу с языком. Лингвистические задачи, которые ставит перед собой автор, выходят за традиционные рамки языкового оформления текста, ведут к развитию языка, языковой формы. Дискурс травелога может выражать национальную и культурную идентичность, а также репрезентировать языковую картину мира.

Дальнейшее изучение особенностей дискурса травелога представляется перспективным с точки зрения более детального изучения лингвистических аспектов теории коммуникации, определения скрытых смыслов текста, декодирования языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белякова, А.А. Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Белякова. – М., 2005. – 26 с.
2. Боброва, Е.А. О выделении спектра лексем-репрезентантов концепта TRAVEL в современном английском языке: признаки микроэволюции / Е.А. Боброва // Известия Иркутской гос. экономической академии. – 2006. – № 2. – С. 116-119.
3. Дайер, Д. Влюбиться в Венеции, умереть в Варанаси / пер. с англ. А.Г. Осипова / Д. Дайер. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 431 с.
4. Данстон, Л. Северная Италия: Путеводитель / пер. с англ. И. Еналиевой / Л. Данстон, Т. Картер. – М.: Издательство ФАИР, 2013. – 176 с.

5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
6. Кулишкина, О.Н. К типологии жанра травелога / О.Н. Кулишкина // Поэтика русской литературы. Сб. статей к 80-летию профессора Ю.В. Манна. – М.: РГГУ. 2009. – С. 202-211.
7. Минина, О.Ю. Философско-культурологическое осмысление туризма / О.Ю. Минина // Ярославский пед. вестник. – 2016. – № 3. – С. 334-340.
8. Ралдугина, Ю.В. Лексикографическая реализация концепта «voyage – путешествие» во французской лингвокультуре / Ю.В. Ралдугина // Вестник Челябинского гос. университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2009. – Вып. 39. – № 43 (181). – С. 120-122.
9. Русакова, О.Ф. Травелог: теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков – Екатеринбург, 2021. – 266 с.
10. Сорочан, А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки / А. Сорочан // НЛО. – 2011. – № 6 (112). – С. 379-402.
11. Урри, Д. Взгляд туриста и глобализация. Массовая культура: современные западные исследования / Д. Урри. – М.: Прагматика культуры, 2005. – С. 136-150.
12. Фельде, В.Г. Оппозиция «свой-чужой» в культуре: дисс. ... канд. филос. наук / В.Г. Фельде. – Омск, 2015. – 152 с.
13. Шевченко, Е.М. Вербализация концепта путешествие фразеологическими единицами современного английского языка: дисс. ... канд. филол. наук / Е.М. Шевченко. – Белгород, 2009. – 182 с.

Материал поступил в редакцию 30.04.22

TOURIST DISCOURSE AND TRAVEIOGUE DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT

L.P. Shishkina¹, O.D. Kozlova²

¹ Candidate of Pedagogical Sciences, ^{1,2} Associate Professor,
Perm National Research Polytechnic University, Russia

Abstract. *The article is devoted to one of the current problems in the field of linguistics – the discursive aspects of the development of cultures, in particular, its component such as travelogue. The main attention is paid to the consideration of tourist discourse and travelogue discourse in order to identify their similarities and differences based on the material of artistic and advertising texts. The scientific novelty of the work lies in the approach to the study of two types of discourse from the point of view of the linguistics of the text. The authors adhere to the point of view according to which the text can be considered as a communicative event. As a result, it is determined that the travelogue discourse, unlike the tourist discourse, can express national and cultural identity, as well as represent the linguistic picture of the world.*

Keywords: *discourse, tourist discourse, travelogue discourse, type of discourse, linguistics of text, text, language picture of the world.*

УДК 8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СТАРШИХ КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

А.М. Яковлева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва), Россия

***Аннотация.** Проблема преподавания иностранного языка в школе в настоящее время актуальна. Известно, что целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя как языковую, так и социокультурную компетенцию. Изучение иностранного языка призвано сформировать личность, способную и желающую участвовать в межкультурной коммуникации. Исследования вопроса соизучения культуры и языка обусловлены большим интересом методистов к их взаимосвязи. Несмотря на наличие целого ряда научных работ, исследования продолжают оставаться недостаточно разработанными в общетеоретическом плане и в прикладных аспектах. В данной статье определена сущность и содержание социокультурной компетенции в контексте языкового образования. Рассмотрена проблема познавательных потребностей учащихся старшей ступени обучения.*

***Ключевые слова:** теория языка, социокультурная компетенция, коммуникация.*

Овладение иностранным языком тесно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает усвоение культурологических знаний, формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны. Одной из основных задач современного образования является достижение нового, современного качества образования, под которым понимается ориентация на развитие иноязычной социокультурной компетенции личности учащегося, его познавательных и созидательных способностей. Социокультурный компонент в содержании обучения иностранному языку дает возможность ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры учащегося.

При помощи иностранного языка, который способен описать все, мы узнаем о структуре сознания. Поэтому именно в языке всегда проступают пробелы в знании чужой страны и ее культуры. Как правило, из-за ограниченности времени, учащиеся школ лишены возможности погрузиться в атмосферу культуры, традиций, обычаев и социальных норм страны изучаемого языка. И неудивительно, что учащиеся по окончании школы едва могут понять носителей языка, а их речь изобилует как грамматическими, так и поведенческими ошибками.

Избежать этого поможет изучение иностранного языка с одновременным изучением культуры этого языка. Социокультурная компетенция – явление комплексное и состоит из лингвострановедческого, социолингвистического, социально-психологического и культурологического компонентов. Социокультурная компетенция подразумевает знакомство учащегося с национально-культурной спецификой речевого поведения и способностью пользоваться теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей иностранного языка: обычаи, нормы, правила, социальные условности, страноведческие знания и др.

Развитие иноязычной социокультурной компетенции играет особую роль в современном

мире, где нередко обостряются межнациональные отношения, где большое значение имеют патриотическое и интернациональное воспитание. Иноязычная социокультурная компетенция предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном многокультурном мире.

Актуальность данной статьи можно определить рядом факторов:

Во-первых, недостаточно изученной является проблема формирования социокультурной компетенции учащихся в условиях общеобразовательной школы. Во-вторых, актуальной остается проблема отбора материала для формирования социокультурной компетенции.

Проблема преподавания иностранного языка в школе в настоящее время актуальна. Известно, что целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя как языковую, так и социокультурную компетенцию. Изучение иностранного языка призвано сформировать личность, способную и желающую участвовать в межкультурной коммуникации. Исследования вопроса соизучения культуры и языка обусловлены большим интересом методистов к их взаимосвязи. Несмотря на наличие целого ряда научных работ, исследования продолжают оставаться недостаточно разработанными в общетеоретическом плане и в прикладных аспектах.

Анализ проблемы доказывает, что традиция соизучения языка и культуры зародилась в недрах прямого метода, среди представителей «движения Реформы» (Sweet 1906: 54; Vietor 1902: 56). Именно они впервые указали на то, что каждый язык отражает разное мировоззрение и у каждого народа своя система понятий, ценностей, с которыми необходимо знакомить учащихся. В дальнейшем идеи соизучения языка и культуры нашли свое отражение в работах зарубежных ученых первой половины XX века Ш. Швейцера и Э. Симано (Schweitzer, Simonet 1921: 45), О. Есперсена (Espersen 1925: 78) и Ч. Хендшина (Handscin 1940: 90). Поиск путей для взаимосвязанного обучения языку и культуре ведут многие ученые А.Л. Бердичевский, Р.К. Миньяр-Белоручев, С.Г. Тер-Минасова, Н.В. Барышников.

Вторая половина XX века характеризуется усилением внимания к языку как особому знанию о мире. Это способствует объединению таких научных дисциплин как лингвистика, методика, культурология и этнопсихология, объектом изучения которых становится межкультурная коммуникация, условия и закономерности формирования «вторичной языковой личности». В рамках этой проблематики идет поиск путей для организации взаимосвязанного обучения языку и культуре в области обучения иностранным языкам (Астафурова 1997: 43; Полушина 1995: 54; Воробьева 1999: 87; Гришенкова 1995: 98).

В современной методике обучения иностранным языкам вопросы со-изучения языка и культуры все чаще описываются с позиций социокультурной компетенции. Понятие «социокультурная компетенция» прочно вошло в теорию и практику преподавания иностранных языков. Отсутствие навыков социокультурной компетенции может значительно затруднить процесс общения.

В настоящее время актуальной является проблема преподавания иностранного языка в общеобразовательной школе. Известно, что целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, включающей в себя как языковую, так и социокультурную компетенцию. Изучение иностранного языка призвано сформировать личность, способную и желающую участвовать в межкультурной коммуникации.

Система образования в России кардинально меняется. Такие качества личности, как мобильность, целеустремленность, решительность, ответственность, способность усваивать и применять знания в незнакомых ситуациях, способность выстраивать успешную коммуникацию с другими людьми становятся востребованными. Ученые и педагоги

стремятся решить проблемы, которые возникают в связи с новыми переменами.

Выделяют 3 этапа становления компетентностного подхода в образовании:

– первый этап (1960-1970 гг.) – в научный аппарат введена категория «компетенция», созданы предпосылки разграничения таких понятий, как компетенция и компетентность.

– второй этап (1970-1990 гг.) – в теории и практике обучения иностранному языку используются такие категории, как компетенция и компетентность, формируется профессионализм в управлении, в обучении общению. В этот период ученые исследуют компетенции, выделяя от 3 до 37 их видов.

– третий этап (1990 г. – наст. время) развитие компетентностного подхода, значим тем, что в документах, материалах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования (Зеер, Павлова, Сыманюк 2005: 65).

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов (Байденко 2004: 176). К числу таких принципов относятся следующие положения:

– смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

– содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, нравственных, мировоззренческих, политических и иных проблем.

– смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у учащихся опыта самостоятельного решения познавательных, организационных, коммуникативных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

– оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определенном этапе обучения (Байденко 2004: 126).

С позиций компетентностного подхода формирование ключевых компетентностей у учащихся становится основным результатом образовательной деятельности. Термин «компетенция» (в переводе с латинского – соответствие, соразмерность) имеет два значения: круг полномочий какого-либо учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом (Ожегов 1936: 93). В одной из педагогических дискуссий по вопросам компетентностного подхода было предложено следующее определение: компетентность – это способность действовать в ситуации неопределённости (Болотов, Сериков 2003: 43).

Общеобразовательная школа не в состоянии сформировать уровень компетентности учащихся, достаточный для успешного решения проблем во всех сферах деятельности. Целью школы является формирование ключевых компетентностей. Под ключевыми компетентностями понимаются способности учащихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них задач (Галямина 2005: 42).

Уроки иностранного языка – благодатная почва для формирования всех ключевых компетенций, а не только предметно-коммуникативных. Для формирования самостоятельной личности, умеющей оперировать полученной информацией, в ходе каждого урока необходимо обеспечивать возможность самообразования, саморазвития и самовыражения в ходе овладения теми или иными знаниями. При этом учебный материал необходимо организовать таким образом, чтобы каждый ученик имел возможность выбора при выполнении заданий.

Общие цели школьного образования должны быть согласованы в учебной программе.

Учитель должен в соответствии с программой планировать учебный процесс, определять темы уроков, опираясь на изложенные в ней требования и задачи. Для достижения нового качества образования необходимы изменения в учебных программах. В связи с этим выделяются некоторые подходы к составлению учебных программ – традиционный (программы по предметам разрабатываются независимо друг от друга, связи между ними представлены на уровне выделения общих понятий) и компетентностный (программы по отдельным предметам рассматриваются как элементы образовательной программы школы).

Внутри компетентностного подхода можно выделить два основных понятия: «компетенция» и «компетентность». В ходе анализа работ по проблемам компетентностного подхода можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует однозначное понимание понятий «компетенция» и «компетентность», часто используемых в одинаковом контексте. По мнению А.Г. Бермуса: «Компетентность представляет собой системное единство, интегрирующее личностные, предметные и инструментальные особенности и компоненты». М.А. Чошанов полагает, что компетентность – это «не просто обладание знаниями, а постоянное стремление к их обновлению и использованию в конкретных условиях». А.М. Аронов определяет компетентность, как «готовность специалиста включиться в определенную деятельность», П.Г. Щедровицкий – как «атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности». О.Е. Лебедев определяет компетентность как «способность действовать в ситуации неопределенности». И.А. Зимняя трактует компетентность «как основывающийся на знаниях, интеллектуально и лично обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека». А.В. Хуторской различает понятия «компетенция» и «компетентность», предлагая их следующие определения:

- компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним.

- компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности.

Одной из основных задач современного образования является достижение нового, современного качества образования, под которым понимается ориентация на развитие личности учащегося, его познавательных и созидательных способностей. В состав ключевых компетенций должны войти универсальные компетенции, овладение которыми необходимо учащемуся для дальнейшего обучения, собственного развития, жизненной самореализации, независимо от уровня его обучения, развития и профессии, которую он выберет. Список компетенций воспроизводит некий перечень основных видов деятельности человека. Одной из центральных проблем для обновления содержания образования является проблема отбора универсальных компетентностей.

На основе главных целей общего образования А.В. Хуторской определяет перечень универсальных образовательных компетенций:

- ценностно-смысловые компетенции. Это компетенции в сфере мировоззрения, которые связаны с ценностными ориентирами учащегося, его способностью понимать окружающий мир.

- общекультурные компетенции. Учащийся должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности в вопросах национальной и общечеловеческой культуры.

- учебно-познавательные компетенции. Это совокупность компетенций учащегося в сфере самостоятельной познавательной деятельности, которая включает элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотношенной с реальными познаваемыми объектами.

- информационные компетенции. При помощи реальных объектов и

информационных технологий формируются умения самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее.

– коммуникативные компетенции. Включают знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми.

– социально-трудовые компетенции. Владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности, в социально-трудовой сфере, в сфере семейных отношений и обязанностей.

– компетенции личностного самосовершенствования. Направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития (Хуторской 2002: 149).

Обучение иностранному языку в школе преследует основную цель: развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся на уроках иностранного языка, то есть овладение иностранным языком как средством общения. Коммуникативная компетенция в современной методике определяется как «способность соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учётом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразностью высказывания» (Гез 1985: 37). Она относится к предметным компетенциям, т.е. компетенциям, формирующимся в рамках учебных предметов.

Предметные компетенции вторичной языковой личности (Халеева 1989: 57) представляют собой четко разработанную систему, поскольку в течение нескольких десятилетий последовательно исследуется отечественными и зарубежными лингводидактами. В концепции Совета Европы «Современные языки: изучение, обучение, оценка» выделяются два вида компетенций по иностранному языку:

– общая компетенция авербального уровня, представленная совокупностью знаний, умений и навыков, которые позволяют человеку осуществлять речевую деятельность. Этот вид компетенции у разных авторов называется энциклопедической, социокультурной, когнитивной и пр. (Астафурова 1997: 45; Гез 1984: 76; Мильруд 2000: 87; Эк 1992: 112).

– коммуникативная компетенция вербального уровня, представленная совокупностью умений и навыков, необходимых для выполнения коммуникативных задач и включающая языковую, социолингвистическую, прагматическую составляющие.

Термин «компетенция», используемый в лингвистике и методике преподавания иностранных языков, был введен Н. Хомским в 1965 г. (Chomsky 1967: 139) при разграничении понятий компетенция (потенциальное знание языка его носителем) и перформация (реальное умение порождения речи). Термин «коммуникативная компетенция» был впервые использован социолингвистом Д. Хаймсом в более широком, чем у Н. Хомского, понимании. По его мнению, она является «одним из аспектов человеческой компетенции, обеспечивающей получение и переработку информации» (Hymes 1972: 89). Д. Хаймс утверждал, что «есть правила использования языка, без которых грамматические правила бесполезны», поскольку нужно не только знать грамматику языка, но и понимать, что сказать, кому и при каких обстоятельствах.

В 80-е годы вопросами формирования и развития коммуникативной компетенции занимались следующие исследователи: Д. Браун, Л. Бахман, М. Канале и М. Свейн, С. Савиньон и другие. Американская исследовательница С. Савиньон определяет компетенцию как предположительную основную деятельность, а перформацию – как практическое применение этой способности. Компетенция – это то, что мы знаем; перформация – то, что мы делаем. По мнению Б. Дугласа, компетенция – это «фундаментальные знания системы языка – его грамматики, лексики, всех частей языка и как эти части собрать вместе», а перформация – это «само действие – говорение, письмо, или понимание – слушание, чтение языковых единиц» (Douglas 2000: 190). С. Страйкер рассматривает коммуникативную компетенцию в иностранном языке как «способность общаться с носителями языка в реальных жизненных

ситуациях» (Striker 1997: 17).

М. Канале и М. Свейн в структурном отношении выделили 4 компонента коммуникативной компетенции: грамматическую, социолингвистическую, сужденческую и стратегическую, приравнивая грамматическую и сужденческую компетенции к использованию языка. Грамматическая компетенция включает знания о структуре языка. Сужденческая компетенция заключается в способности удачно связывать предложения для коммуникативных и риторических целей, образуя связанный рассказ, тогда как последние два компонента коммуникативной компетенции описывают употребление языка. Социолингвистическая компетенция заключается в способности использовать язык соответственно данной ситуации, а стратегическая компетенция относится к способности использовать предложения, перефразировки и подстановки, чтобы преодолеть недостаток знания языка и понимания (Canale, Swain 1980: p. 113).

Ян Ван Эк разработал одну из последних теоретических моделей коммуникативной компетенции человека, выделив следующие ее компоненты: лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социальную, социокультурную компетенции (Van Ek 1992: 87).

Согласно анализу зарубежных лингводидактических исследований, коммуникативная компетенция является сложным, полифункциональным свойством человека, имеющим в основе способность общаться устно и письменно с носителем конкретного языка в реальной жизненной ситуации и предполагает наличие целого комплекса компонентов: лингвистического (правильное употребление лингвистических форм на иностранном языке), социолингвистического (умение взаимодействовать с собеседником), социокультурного (умение организовать общение с учетом правил, норм и традиций речевого и неречевого поведения в стране изучаемого языка, дискурсивного (способность связывать одно высказывание с другим в ситуации устного / письменного общения, логически излагать свои мысли), стратегического (способность преодолевать лингвистические трудности общения, используя при этом компенсирующие средства (перифразу, жесты, мимику), социального (способность и готовность к общению с другими) (Bachman et Palmer 1987: 87; Germen 1982: 187; Lussier 1992: 38; Колесникова, Долгина 2001: 76).

Важным вопросом формирования компетенций является ее знаниевое содержание. Компетенции не могут быть сведены лишь к фактическим знаниям или к деятельностным умениям. Возникает вопрос, каким должен быть минимум, который следует знать всем молодым людям к окончанию школы, какие элементы истории, искусства, литературы, науки и технологии надо включить в образование, чтобы обеспечить понимание сегодняшней ситуации, реалий жизни и способность адекватной деятельности, которые востребованы сегодня. Знания не могут оставаться академическими, этот вопрос следует решать с помощью освоения ключевых компетенций.

Современный этап развития лингвистики характеризуется усилением внимания к иностранному языку как особому знанию о мире, что привело к объединению исследований таких научных дисциплин как методика, культурология, лингвистика и этнопсихология, объектом изучения которых становится межкультурная коммуникация, условия и закономерности формирования «вторичной языковой личности» (Халеева 1989: 45).

В рамках данной проблематики осуществляется поиск путей для организации взаимосвязанного обучения языку и культуре. При помощи иностранного языка, который способен описать всё, мы узнаем о структуре сознания. Поэтому именно в языке всегда проступают пробелы в знании чужой страны и ее культуры. Как правило, из-за ограниченности времени, учащиеся школ лишены возможности погрузиться в атмосферу культуры, обычаев, традиций, социальных норм страны изучаемого языка. Учащиеся с трудом могут понять носителей языка, а в их речи прослеживаются как грамматические, так и поведенческие ошибки.

Избежать этого поможет изучение иностранного языка с одновременным изучением культуры этого языка, т.е. формирование социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция – явление комплексное и состоит из лингвострановедческого, социолингвистического, социально-психологического и культурологического компонентов. Формирование социокультурной компетенции необходимо начинать с первых же занятий. Сюда могут входить тексты, сосредоточенные на разговорной речи во всех ее основных сферах, детализирующие самые распространенные бытовые ситуации; тщательно отобранные примеры, раскрывающие основные ценности и понятия культуры изучаемого языка, а также включающие образцы правильного и неправильного использования лексики, фразеологии и грамматики данного языка. Одним из источников могут служить тексты публицистического характера, т.к. именно в них отображается не только события, происходящие в стране и мире, но и лексика, которая используется носителями языка для обозначения этих явлений.

Социокультурная компетенция предполагает:

- осознание того, что язык является не только средством познания и общения, но и формой социальной памяти, «культурным кодом нации», развитым умением сопоставлять факты языка и факты действительности;
- умение видеть культурный фон, стоящий за каждой языковой единицей;
- знание культуры, истории, традиций, обычаев своего народа;
- умение обнаружить регионально значимые лексемы и понимать их роль в тексте (Аркатова 2012: 49).

Исходя из специфики возрастных особенностей учащихся, Ариян М.А. выделяет следующие задачи, связанные с развитием социокультурной компетенции в общеобразовательной школе. Задачи, направленные на совершенствование качеств самого обучающегося:

1. Осознание себя в мире, в своей культуре, осознание того, что обучаемый является частью своей культуры;
2. Доброжелательность ко всем людям, независимо от расы, национальности, вероисповедания, положения в обществе, личностных свойств;
3. Понимание неприкосновенности человеческой жизни, доброта, милосердие;
4. Широта познавательных интересов, стремление и способность к самообразованию;
5. Осознание ценности общения для установления взаимопонимания, в том числе между людьми (народами) – носителями различных языков и культур.

Задачи, связанные с оптимизацией взаимодействия обучающегося с окружающим миром:

1. Умение принимать приемлемый в социокультурном плане способ речевого и неречевого поведения в условиях межкультурной коммуникации;
2. Социокультурная наблюдательность, способность строить общение в соответствии с особенностями ситуации и собеседника;
3. Осознание причастности к происходящему в семье, классе, школе, городе, стране, мире;
4. Осознание взаимосвязанности, целостности всего мира и необходимости объединения усилий народов для решения глобальных проблем человечества (Ариян 2008: 67).

Для решения перечисленных задач и формирования социокультурной компетенции у старшеклассников потребуются такая организация педагогического процесса, при которой каждый из учащихся осознает себя активным субъектом деятельности, чей творческий потенциал востребован окружающими. Это может быть достигнуто, если используемые приемы обучения иностранным языкам:

- способны «погрузить» обучающегося в социальную среду, искусственную или естественную, обеспечить возможность выхода за границы учебной языковой среды;
- могут основываться на актуальном содержании, имеющем социальное звучание;

- имеют «открытый» характер, поощряя различные подходы к решению проблем;
- обеспечивают опыт общения, взаимодействия и широкого поиска информации;
- стимулируют коммуникативно-познавательную деятельность, активное межличностное общение как условие решения задач социального характера;
- препятствуют «истощению» мотивации к изучению иностранного языка, особенно на старшем этапе, за счет «встроенности» в социокультурный контекст стран изучаемого языка (Ариян 2008: 82).

Развитие иноязычной социокультурной компетенции играет особую роль в современном мире, где нередко обостряются межнациональные отношения. Иноязычная социокультурная компетенция предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире.

Обучение иностранному языку даёт большую возможность научить учащихся быть толерантными, уважать других людей, жить в мире и дружбе со всеми народами. Формирование иноязычной социокультурной компетенции у старшеклассников играет огромную роль в воспитании патриотов своей страны. Когда учащийся знает, ценит и уважает культуру, обычаи, традиции, язык других стран и народов, когда он с гордостью может представить культуру и традиции своего народа или региона, где он живёт, ни о какой враждебности, конкуренции или превосходстве не может быть и речи.

Изучение английского языка формирует в сознании человека культуру мира через сравнение и сопоставление языковых явлений, обычаев, традиций, искусства, образа жизни народов. Изучая английские пословицы, например, мы сравниваем, как одна и та же мысль передается разными средствами в разных лингвокультурах. Обучение иностранному языку способствует формированию поликультурной языковой личности, владеющей как родным, так и иностранными языками. Её характеристики включают три аспекта – ценностный, познавательный, поведенческий. Ценностный аспект включает этические и утилитарные нормы поведения, отражающие историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком; к познавательному или когнитивному аспекту относят свойственную данной личности картину мира, к поведенческому – специфический набор речевых характеристик и паралингвистических средств общения (Карасик 2004: 97). Содержание иноязычной социокультурной компетенции относится не только к процессу овладения практическим иностранным языком как средством общения, но и реализуется в освоении специальных теоретических знаний, относящихся к теории языка, и к теоретическим дисциплинам, а именно лингвокультурологии, лингвострановедению, психологии межкультурного общения, т.е. в процессе получения языкового образования. Можно владеть языком как средством общения, но не ориентироваться в общем межкультурном контексте иноязычного общения, не иметь сформированных знаний об истории, традициях страны изучаемого языка, этнокультурных обычаях, ритуалах, символах. Владение иностранным языком предполагает наличие данных знаний, следовательно, языковое образование в целом, обеспечивающее формирование поликультурной языковой личности, должно охватывать все стороны такой подготовки старшеклассника общеобразовательной школы.

Необходимость социокультурного образования средствами иностранного языка постепенно становится аксиомой, так как обучение общению на иностранном языке предполагает овладение социокультурными знаниями и умениями, без которых нет практического овладения языком. Формирование иноязычной социокультурной компетенции на занятиях иностранного языка подразумевает обогащение лингвистических, эстетических и этических знаний старшеклассников о стране изучаемого языка. Необходимо обратить внимание на культурное невербальное поведение, чтобы научить учащихся избегать неадекватного или оскорбительного для другого народа невербального поведения. Так в Англии жест из двух пальцев, указательного и среднего, поднятых вверх имеет два противоположных значения. Если тыльная сторона ладони повернута к собеседнику, это ужасное оскорбление, а если же она повернута к себе, то это первая буква слова «victory»

(победа). Если в наших учебных заведениях готовый отвечать ученик или студент тянет руку, то в европейских школах поднимают указательный палец правой руки.

Процесс эффективного формирования социокультурной компетенции учащихся старших классов гимназии может быть обеспечен благодаря комплексу взаимодополняющих педагогических условий, а именно:

- диагностика уровня сформированное социокультурной компетенции учащихся и соответствующая коррекционная работа;
- осуществление соответствующей теоретико-методической подготовки учителей к работе с учащимися по формированию у них социокультурной компетенции;
- воспитание толерантности и эмпатии учащихся старших классов гимназии, ведущих личностных качеств, способствующих формированию иноязычной социокультурной компетенции;
- осуществление работы по формированию положительной мотивации учащихся по овладению социокультурной компетентностью;
- использование современных информационных технологий в процессе формирования социокультурной компетенции учащихся.

В соответствии с Новым Государственным стандартом цель изучения иностранного языка определяется следующим образом: «Изучение иностранного языка в основной школе направлено на развитие иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности ее составляющих – речевой, языковой, социокультурной, компенсаторной и учебно-познавательной компетенций. ...Социокультурная компетенция – приобщение учащихся к культуре, традициям и реалиям стран изучаемого иностранного языка в рамках тем, сфер и ситуаций общения, отвечающих опыту, интересам, психологическим особенностям учащихся основной школы; формирование умения представлять свою страну, ее культуру в условиях иноязычного межкультурного общения».

Предмет «иностраный язык» не только знакомит с культурой, традициями, обычаями стран изучаемого языка, но путём сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями.

В настоящее время возникает вопрос о приобщении личности к мировой культуре, о приближении образовательного уровня к европейскому стандарту, о владении не менее чем двумя иностранными языками. С усилением взаимодействия цивилизаций чётко обозначается процесс массового внедрения обучения иностранным языкам, в ходе которого должны быть заложены прочные основы, необходимые человеку для участия в диалоге культур.

По мнению Н.Д. Гальсковой, в содержание обучения иностранному языку необходимо включать:

- сферы коммуникативной деятельности, темы и ситуации, речевые действия и речевой материал, учитывающие профессиональную направленность студентов;
- языковой материал (фонетический, лексический, грамматический, орфографический), правила его оформления и навыки оперирования им;
- комплекс специальных (речевых) умений, характеризующих уровень практического овладения иностранным языком как средством общения, в том числе интеркультурных ситуациях;
- систему знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка (Гальскова 2000: 91).

Овладение иностранным языком и его использование предполагает формирование знаний социокультурных особенностей носителей изучаемого языка. Социокультурный

компонент в содержании обучения иностранному языку играет огромную роль в развитии личности учащегося, так как дает возможность не только ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, но и сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры учащегося. Главным является не воспитание с позиции норм и ценностей страны изучаемого языка и не зазубривание фактов, а умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом. Использование культурной и страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности учащихся, способствует развитию их коммуникативных возможностей.

Ряд исследований по данной проблеме послужил стимулом определения и внедрения социокультурного компонента в содержание обучения иностранному языку. И.Л. Бим говорит о необходимости включать в содержание обучения элементы языковой культуры народов, говорящих на изучаемом языке и страноведческие сведения применительно к ситуациям общения. В рамках данного подхода речь идёт о необходимости насыщения предметного содержания речи страноведческих материалов с ориентацией на диалог культур (Бим 1989). Достаточно полно социокультурный компонент реализован в подходе З.Н. Никитенко, где обозначены все составляющие данного компонента:

- языковые знания, включающие безэквивалентную и фоновую лексику, а также знания национальной культуры (национальные реалии и этикет);
- навыки и умения речевого и неречевого поведения (Никитенко 1994: 19).

Усвоение содержания национально-культурного компонента в обучении иностранному языку – основное условие приобщения учащихся к культуре страны, язык которой они изучают, а именно ознакомление их с народом, традициями и обычаями данной страны.

Одной из важных составляющих коммуникативной компетенции является социокультурная компетенция, помогающая взаимодействовать в современном поликультурном мире. Концепт социокультурной компетенции занимает центральное место в теории межкультурной коммуникации, поскольку в социокультурном развитии учащихся осуществляется соизучение родного языка и родной культуры, иностранных языков и культур других народов, развитие у школьников способностей представлять свою страну и культуру в условиях иноязычного межкультурного общения. Социокультурная компетенция включает три блока знаний: лингвострановедческие (знания лексических единиц с национально-культурной семантикой и умение применять их в ситуациях межкультурного общения), социально-психологические (предполагают владение национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной лексики, принятой в данной культуре), культурологические (знания социокультурного, историко-культурного, этнокультурного фона и умение использовать их для достижения взаимопонимания с носителями данной культуры). Социокультурная языковая компетенция – это социокультурные языковые знания, адекватно используемые в межкультурной коммуникации. Отсутствие навыков социокультурной компетенции значительно затрудняет коммуникацию.

Мы выбрали учебник, используемый на уроках английского языка в 10 классе в общеобразовательной школе: В.П. Кузовлев, – «English», 10-11 класс. Проанализированный учебник содержит материалы страноведческого характера, которые позволяют обеспечить реализацию социокультурного компонента. Разнообразный культурологический материал учебника обеспечивает формирование социокультурной компетенции старшеклассников, предлагая информацию о культуре страны изучаемого языка, развивает умения учащихся представлять свою страну. Старшеклассники учатся строить речевое и неречевое поведение с учётом особенностей культуры страны изучаемого языка. Учебный материал представлен и

отрабатывается в упражнениях, моделирующих ситуации реального повседневного применения языка. Тема каждого раздела рассматривается с разных позиций, что даёт возможность найти наиболее интересное индивидуальное задание для каждого учащегося. Предлагаемая в них тематика и лексика, отобранная в соответствии с возрастными особенностями учащихся, их интересами и потребностями, находит свое отражение в текстах лингвострановедческого и социокультурного характера. Тексты предоставляют сведения о географическом положении страны изучаемого языка, о политическом устройстве, о национальных особенностях характера британцев и т.д.

В современном обществе постепенно меняется статус иностранного языка как учебного предмета. Современная методика направлена на достижения значительных результатов, то есть подчёркивает необходимость усиления лингвострановедческих аспектов изучения языка. Востребованность иностранного языка в современном обществе повышает статус иностранного языка как учебного предмета в системе общеобразовательной подготовки старшеклассников и стимулирует поиск новых технологий и моделей обучения, знакомящих учащихся с иноязычной культурой во всех ее проявлениях. Проблема формирования социокультурной компетенции учащихся представляет большой интерес в практической деятельности.

Большинство методистов уделяют особое внимание современному состоянию теории и практики обучения иностранным языкам с ярко выраженной коммуникативной направленностью, что способствует всестороннему развитию личности, развитию духовных ценностей учащихся. Методика обучения иностранному языку не представляет содержания обучения английскому языку без включения социокультурного компонента в процесс обучения. В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка.

В современной школе необходимо преподавание иностранного языка в неразрывной связи с национальной культурой. Иноязычная культура, содержащая в себе социокультурные факторы, способствует становлению коммуникативной личности, повышению мотивации учения. Социокультурный компонент выступает в качестве стимула повышения эффективности обучения учащихся на всех этапах общеобразовательной школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнаурова, З.С. Нормы речевого общения, языковая и коммуникативная компетенция. / З.С. Азнаурова // Нормы человеческого общения: тез. докл. межвуз. науч. конф. – Горький: ГГПИИЯ, 1990. – 208 с.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: МГУ, 1980. – 415 с.
3. Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам / В.А. Артемов. – М.: Просвещение, 1969. – 279 с.
4. Астафурова, Т.Н. Лингводидактические основы обучения стратегии речевого поведения в межкультурной коммуникации. / Т.Н. Астафурова // Материалы XI научной конференции проф.-препод. состава. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. – С. 337-342.
5. Байденко, В.И. Компетенции: к освоению компетентностного подхода. Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы» / В.И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – С. 25-30.
6. Бердичевский, А.Л. Оптимизация процесса обучения иностранному языку / А.Л. Бердичевский. – М.: Высшая школа, 1989. – 104 с.
7. Блонский, П.П. Развитие мышления школьника / П.П. Блонский. – М.: Учпедгиз, 1935. – 125 с.
8. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 165 с.

Материал поступил в редакцию 10.05.22

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL COMPETENCE IN THE SENIOR CLASSES OF SECONDARY SCHOOL

A.M. Yakovleva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow), Russia

***Abstract.** The problem of teaching a foreign language at school is currently relevant. It is known that the purpose of teaching a foreign language is the formation of communicative competence, which includes both linguistic and socio-cultural competence. Learning a foreign language is designed to form a person who is able and willing to participate in intercultural communication. The research of the question of the co-study of culture and language is due to the great interest of methodologists in their relationship. Despite the existence of a number of scientific papers, research continues to be insufficiently developed in general theoretical terms and in applied aspects. This article defines the essence and content of socio-cultural competence in the context of language education. The problem of cognitive needs of students of the senior level of education is considered.*

***Keywords:** theory of language, socio-cultural competence, communication.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 3 (39), май / 2022

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ООО «Сфера»

Адрес типографии:

Россия, 400105, г. Волгоград, ул. Богунская, 8, оф. 528.

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@mail.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Малышева Жанна Александровна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)
Попов Дмитрий Владимирович, доктор философии (PhD) по филологическим наукам
Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук
Бобокалонов Рамазон Раджабович, кандидат филологических наук, доцент
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, кандидат филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 18.05.2022 г. Дата выхода в свет: 27.05.2022 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 40. Свободная цена. Тираж 100.